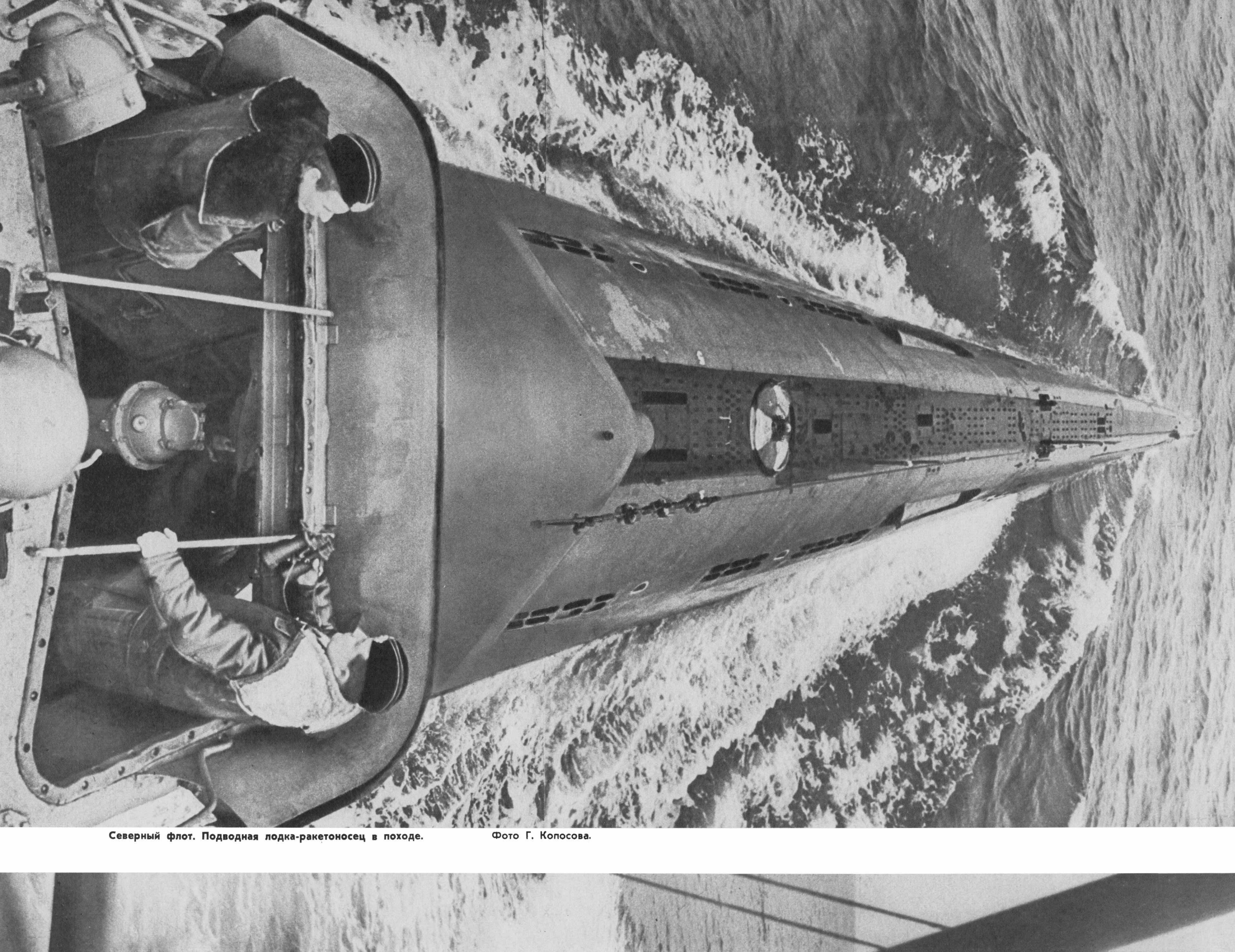

ОГОНЁК
№ 30 ИЮЛЬ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Северный флот. Подводная лодка-ракетоносец в походе. Фото Г. Копосова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 30 (1987)

25 ИЮЛЯ 1965

Черноморский флот. Ракетные корабли выходят на боевой курс.

Фото Г. Макарова.

Ко Дню Военно-Морского Флота

Николай ФЛЁРОВ

Флотский дозор

Где мчась, как вихрь,
Где мерным шагом,
Дробя гряду подвластных вод,
Морскою клятвой верен флагам,
Дозор несет Советский флот.

Оберегающий просторы,
Он предан Родине своей —
От нестареющей «Авроры»
И до ракетных кораблей.

Будто небо закрывая,
Дым летит над головой.
А на баке плясовая
Лучше всякой плясовой.

Друг за другом, постепенно
Увлекает всех она.
Кружевным платочком пены
Машет синяя волна.

Тут и пляска, тут и песня,
Тут и флотский хоровод.
Льются звуки в поднебесье.
Гул над палубой плывет.

«Волны бьются на просторе,
За кормой бурлит вода.
Не расстанемся мы с морем
Ни за что и никогда!..»

Приутихли разговоры —
Захватил родной мотив.
А закатные узоры
Выткал волнами залив.

Он блестит, не угасая,
Как в траве блестит роса,
И поют, не умолкая,
Молодые голоса.

Братская семья советских народов отметила праздник — 25-летие восстановления Советской власти в трех республиках — Эстонской, Литовской и Латвийской.

Указами Президиума Верховного Совета СССР все они награждены орденами Ленина.

На торжественных заседаниях, которые состоялись 17 июля в столицах республик, с речами выступили член Президиума ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов — в Вильнюсе, член Президиума ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микоян — в Таллине, член Президиума ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин — в Риге.

ТАЛЛИН

Фото В. Мастюкова и О. Коска (ТАСС)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА РУМЫНИЯ

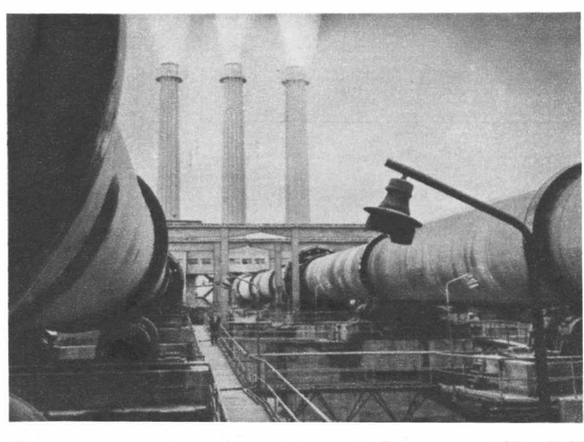
19 июля в Бухаресте, во Дворце республики, открылся съезд румынских коммунистов. В зале полторы тысячи делегатов, гости из 56 стран, среди них посланцы Коммунистической партии Советского Союза во главе с Первым секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым.

Съезд единогласно принял решение переименовать Румынскую рабочую партию в Румынскую коммунистическую партию. Бурными аплодисментами, возгласами «ура!» было встречено это историческое решение.

О больших победах, одержанных румынским народом за последние годы, о задачах партии и страны на ближайшие пять лет говорил в своем докладе Первый секретарь ЦК Румынской коммунистической партии товарищ Николае Чаушеску.

В канун съезда был опубликован проект новой Конституции, согласно которой страна будет именоваться Социалистическая Республика Румыния. «Вся страна,— сказал товарищ Николае Чаушеску,— с огромным воодушевлением встретила проект новой Конституции, в котором воплощены вековые чаяния всех трудящихся города и деревни, закреплены исторические победы румынского народа, нашей дорогой родины — Социалистической Республики Румынии!»

С каждым днем хорошеют города и села Румынии. На площади Унирии в городе Яссы.

По плану развития народного хозяйства на 1966—1970 годы предусмотрен значительный рост выпуска строительных материалов. 7 миллионов тонн цемента получат стройки республики в 1970 году. На снимке: новая линия цементного завода «Виктория сочиалистэ» в Турде.

Уборка ячменя в госсельхозе Попешть-Леордень.
Фото Аджерпресс.

ВИЛЬНЮС

Фото В. Будана и Б. Бучялиса (ТАСС).

РИГА

Фото Э. Евзерихина (ТАСС).

26 июля 1953 года — начало народной революции на Кубе.

ШУМЯТ МОЛОДЫЕ ЛЕСА КУБЫ

Христофор Колумб, увидев пейзаж Кубы, записал в своем судовом журнале 25 ноября 1492 года:

«...Горы, поросшие соснами. Повсюду густые леса самой причудливой формы и необычайной красоты...»

Запись, сделанная великим путешественником, воспроизводила картину лесных богатств, которыми располагала Куба в те времена.

Позднее испанские поселенцы и креолы-землевладельцы безжалостно вырубали леса под сахарные плантации.

Не изменилось положение и с официальным провозглашением республики в 1902 году. В период безраздельного господства на Кубе Соединенных Штатов Америки продолжалась дальнейшая вырубка лесов.

В 1958 году Куба среди 20 стран Латинской Америки занимала по запасам леса 17-е место.

Народное правительство, пришедшее к власти на Кубе, с первых же дней стало заботиться о сохранении лесов. Результаты пятилетних усилий мы можем видеть теперь своими глазами. В материалах ООН записано:

«Лесные зоны Кубы покрывают 11 процентов территории и состоят из хвойных и лиственных пород деревьев, а также кустарников мангле. Большинство таких лесов, почти полностью принадлежащих государству, еще недавно хищнически истреблялось... В настоящее время осуществляется интенсивная программа лесонасаждения в стране».

В 1964 году на острове было высажено 37 143 тысячи молодых деревцев, а в этом году — 41 миллион. В самой важной лесной зоне Кубы, на западе страны, уже насчитывается более 50 миллионов высаженных эвкалиптов.

На Кубе разводятся преимущественно эвкалипты, завезенные из Австралии. Их древесина используется в судостроении и других отраслях промышленности, а листья и кора, кроме того, идут на изготовление лекарств. Расширены также посадки сосен и других ценных пород дерева. Остров Свободы благоухает ароматом молодых лесов.

Хосе Бодес ГОМЕС

(АПН — Пренса Латина.)

Здесь выращивают саженцы.

Первые сборы «лесного урожая».

НА МАРСЕ НЕТ КАНАЛОВ

«НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ» БЛАГОРОДНЫХ ГАЗОВ

«Маринер-4» передал на Землю радиотелеметрические изображения поверхности Марса. Закончил работу XX Международный конгресс по теоретической и прикладной химии.

Наши корреспонденты Д. Пащенко и М. Матвеев взяли интервью у советского академика А. А. Михайлова и у английского ученого, лауреата Нобелевской премии, профессора А. Тодда.

В МОСКВЕ Я ПОЧТИ КАК ДОМА

А. ТОДД,
лауреат Нобелевской премии

— Вы не будете возражать, если я попытаюсь отвечать на ваши вопросы по-русски? — спрашивает нас высокий, седовласый лорд Александр Тодд.

Конечно, мы не будем возражать. Мы знаем, что один из крупнейших химиков нашего времени, удостоенный Нобелевской премии за работы по изучению нуклеиновых кислот и витамина B_{12}, профессор Александр Тодд тридцать пять лет назад изучил русский язык и с тех пор читает в подлинниках Толстого, Достоевского и Чехова.

— Какие наиболее интересные открытия в области химии сделаны за последние годы?

— Сделано очень много, и трудно выделить что-либо. Все же возьму на себя смелость сказать, что два открытия я считаю наиболее выдающимися. Это расшифровка генетического кода и получение химических соединений с благородными газами.

О первом — сверхинтересном, абсолютно интересном для каждого человека — много говорить не приходится. О небывалой в середине XX века популярности нуклеиновых кислот — хранителей наследственности всех живых организмов — сказано во всем мире столько, что ничего нового я не добавлю. Я убежден, что мы даже не представляем, насколько с этим открытием приблизились к окончательному проникновению в тайны возникновения и развития жизни, к пониманию этого вопроса вопросов биологии.

О втором открытии скажу несколько подробнее. Нарушение «неприкосновенности» благородных газов представляет большой интерес с точки зрения теоретической химии. Дело в том, что еще лет сорок назад аргон, неон, ксенон и некоторые другие считались химически абсолютно инертными, не способными ни на какие реакции. Не случайно в таблице Менделеева для них выделено особое место — в правой крайней колонке,— отдельно от всех других элементов. За последние двадцать—тридцать лет ученые разных стран неоднократно предпринимали попытки если не практически, то хотя бы теоретически обосновать возможность химического взаимодействия благородных газов с другими элементами. Однако до прошлого года это не удавалось, они оставались чем-то вроде идола в науке. Многие стремились приблизиться к решению этого вопроса, но никто не брал на себя смелость заявить о решающем шаге. И наконец в прошлом году весь мир облетела радостная весть: благородные газы вступают в химические соединения! Получены первые соединения с ними некоторых элементов! Это крупная победа современной науки, которая позволит создать новый класс химических соединений, что, несомненно, сулит нам огромные, еще до конца не понятые возможности.

— Как вы оцениваете значение XX конгресса?

— Московский конгресс, как и все предыдущие, позволил представить общую картину развития и состояния современной химии.

Не могу не отметить и то, что трибуна конгресса была широко представлена молодым ученым, в том числе советским, о которых мы еще ничего не слышали. Их выступления произвели очень хорошее впечатление. Посещая научные институты — а в Москву я приезжаю в третий раз,— разговаривая со специалистами, я убедился в том, что ваша молодежь эрудированна, трудолюбива и работает с большим энтузиазмом. Страна, которая обладает такими молодыми научными кадрами, может не беспокоиться за будущее своей науки.

В заключение беседы А. Тодд сказал:

— Посещение Советского Союза — для меня всегда большой праздник. Здесь много хороших друзей. С ними меня связывают не только общие научные интересы, но и просто хорошие человеческие отношения.

Может быть, это—мое субъективное мнение, но я его выскажу: мне кажется, что с каждым годом нам становится все легче и легче завязывать полезные научные и дружеские контакты. В Москве я чувствую себя почти как дома именно потому, что вижу много общего между нашими народами. Я прошу вас передать читателям «Огонька», журнала, который я прекрасно знаю, а через них и всему советскому народу мои самые наилучшие пожелания.

Матросские припевочки

Музыка Евгения ЖАРКОВСКОГО.

Стихи Константина ВАНШЕНКИНА.

На ребятах флотский клеш.
Девки — дурочки,
Думаете, лучше всё ж
Брючки-дудочки?

Лучше ль твердая земля,
Сад с полянами,
Чем блужданье корабля
Океанами?

Все здесь проще во сто раз:
Дом, замужество...
Но ведь любите-то нас
Вы за мужество.

Шлюпки по борту висят
Сплошь смоленые;
Будут губы у ребят
Чуть соленые.

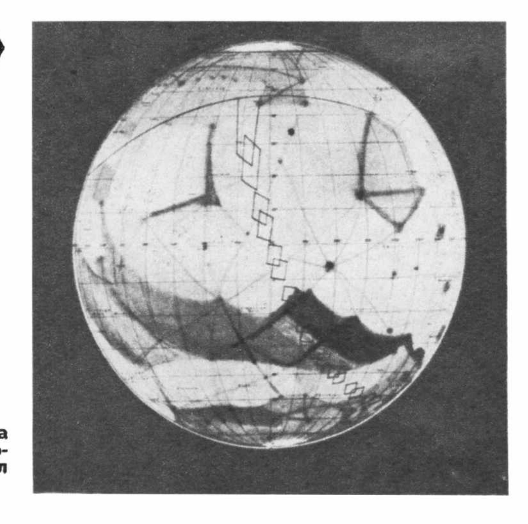
Парапет в пыли морской
И не мажется;
Машет девушка рукой,
Не намашется.

Пароход уходит в рейс,
Уменьшается,
За ее ладошкой весь
Умещается.

Пароход давно в пути,
Возле Дании...
Ты, родная, погрусти
В ожидании.

Как маяк родной земли,
Сердце ждущее
Охраняет корабли,
Вдаль идущие.

«МАРИНЕР-4» В ПОЛЕТЕ

На этой карте Марса обозначены участки, которые сфотографировал «Маринер-4».

А. А. МИХАЙЛОВ,
академик

15 июля, в ноль часов 18 минут по Гринвичу, после более чем семимесячного полета, американский 260-килограммовый корабль «Маринер-4» начал передавать на Землю снимки Марса.

Мы позвонили в Ленинград, в Главную астрономическую обсерваторию, расположенную в Пулкове. К телефону подошел академик А. А. МИХАЙЛОВ.

— Александр Александрович! Не могли бы вы прокомментировать сообщение об исследовании Марса с помощью «Маринера-4»?

— О полете«Маринера-4» еще нет, к сожалению, достаточного количества научных сведений.

Безусловно, огромное достижение — преодолеть пятьсот двадцать миллионов километров и с расстояния около девяти тысяч километров от планеты получить изображение поверхности Марса. Устойчивая радиотелеметрическая связь на таком расстоянии — это действительно великолепно! Первые же снимки показали, что каналов на Марсе нет. Этого и следовало ожидать, они возникали в результате оптического обмана.

Интересны данные об отсутствии у Марса радиационных поясов и магнитного поля. Мы это также предполагали, но, разумеется, получить прямые доказательства любой научной гипотезы крайне важно.

— Как можно объяснить отсутствие у Марса магнитного поля?

— Видите ли, размеры Марса, как и его средняя плотность, намного меньше размера и плотности Земли. Вероятно, нет у Марса и плотного металлического магнитного ядра, состоящего из железа и никеля. По-видимому, здесь можно провести аналогию с Луной,—она вся из камня, поэтому у нее также отсутствует магнитное поле.

— О чем говорят данные, характеризующие атмосферу Марса: температура минус 30 градусов по Цельсию; атмосферное давление 10—20 миллибар, предположительное отсутствие кислорода и т. д.?

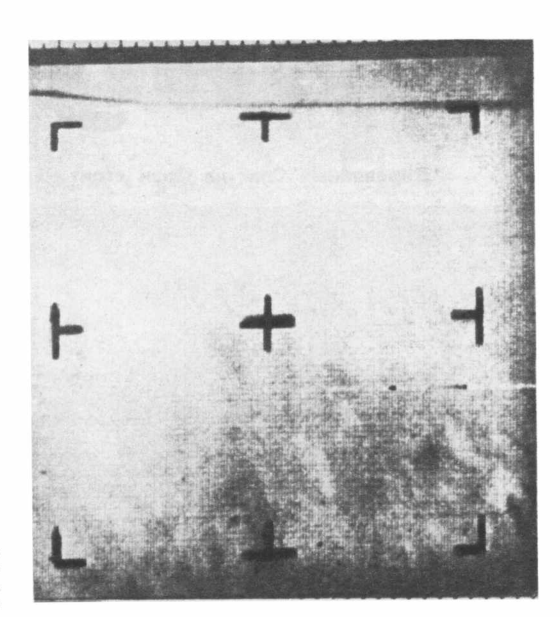
— Самое интересное то, что в атмосфере Марса не обнаружено кислорода. Я не знаю, какими способами получены эти данные, но, если их удастся подтвердить, это окажется весьма важным доказательством того, что на Марсе нет растительности. Ведь именно жизнедеятельности растений мы обязаны присутствием кислорода в земной атмосфере. Наконец, предельно низкая плотность атмосферы (1—2 процента земной) также свидетельствует о гораздо меньшей в сравнении с земной силе марсианского притяжения.

Но все это лишь предварительное обобщение.

Одно можно сказать точно: нам, советским ученым, можно поздравить наших американских коллег с большим научным и техническим достижением.

Как сообщает директор лаборатории реактивных двигателей в Пасадене (штат Калифорния) Уильям Пикеринг, ученые, ведущие этот эксперимент, надеются получить все запланированные 21 фотографию с изображением Марса. Второй и особенно третий снимки гораздо более ясные, так как они получены с более близкого расстояния от Марса.

Как сообщают американские ученые, до окончательного изучения всех полученных данных и снимков Марса никаких новых сведений в печать поступать не будет.

Вторая фотография поверхности Марса. Площадь: 550 миль с севера на юг и 186 миль с запада на восток.
(ЮПИ.)

Американский летчик: мы проигрываем войну

Воин вьетнамской Народной армии с пленным американским летчиком Х. Локхартом, выбросившимся с парашютом из самолета, сбитого над территорией ДРВ.

Фотохроника ТАСС.

Виталий ЛАТОВ

Эта фотография доставлена в Москву из Демократического Вьетнама. Жалкие обломки — вот что осталось от американского реактивного морского истребителя «скайхоук», совершавшего разбойничий налет на мирные вьетнамские села.

В сводках военного командования США разрушенные деревни именуются «военными складами» или «базами», а убитые женщины и дети «живой силой» противника. Этот трюк Пентагона не нов. Я вспоминаю такие же по характеру сводки, которые давало в дни корейской войны американское военное командование на Дальнем Востоке. Мне запомнилась варварская бомбардировка Пхеньяна 14 августа 1951 года. Особенно много бомб было сброшено на народные базары. В тот день погибло около 2 тысяч женщин и детей. И этот налет был объявлен генералами США как «уничтожение важного военного объекта в Пхеньяне».

Зенитчики Народной армии во Вьетнаме превращают в обломки «небесных ястребов» так же успешно, как это делали в свое время корейские солдаты. Тогда, в Корее, Пентагон был вынужден прибавить своим летчикам некую сумму долларов за вылет. У пленного американского летчика Фарлера в планшете была найдена полетная карта. В ней лежали отпечатки с негативов, сделанных во время налетов на мирную Корею. На снимках красным карандашом были написаны цифры. На вопрос офицера Народной армии Фарлер деловито ответил, что это сумма долларов за города и села, которые он бомбил и обстреливал. За Вонсан, сказал Фарлер, он получил 100 долларов, потому что «это город большой и там сильная зенитная артиллерия», а за Ханвон он получил всего 50...

Война для них—бизнес. Так было в Корее. И вот теперь во Вьетнаме. И здесь убийство и разбой — доходное дело. Однако факты показывают, что этот кровавый бизнес становится для воздушных пиратов США все более опасным делом.

Именно поэтому недавно Пентагон сообщил, что 54 300 американским военнослужащим, находящимся во Вьетнаме, прибавлена зарплата — дополнительная плата — 55 долларов за участие в боевых действиях. И все это для того, чтобы поднять боевой дух, ибо все больше «джи-ай» — американских солдат — начинают понимать, что действия во Вьетнаме — это не прогулка в джунглях. И поэтому приходится летчикам вспоминать, что делали их «коллеги» в Корее, когда приходилось держать ответ за разбой. В Корее на моих глазах был сбит самолет из 51-й эскадрильи ночных бомбардировщиков, который пилотировал Роберт Циллет. Идя по чужой земле с поднятыми руками, он лепетал, что «Роберт Циллет — хороший парень...» В кармане у него нашли лоскут, на котором на 10 языках было написано: «Я американец... Прошу вас дать мне еду, квартиру. Если вы спасете меня, проводите в распоряжение американских войск, правительство США наградит вас большой суммой денег».

Соотечественники Циллета, пиратствующие ныне в небе Вьетнама, памятуя опыт корейской войны и сознавая, что они занимаются во Вьетнаме разбоем, долго бродят перед полетом по палубам своих авианосцев и зубрят строчки из учебника, изданного командованием американских ВВС. Там содержатся советы, как выжить, если во время пиратского налета тебя собьют. И когда капитан Филипп Нил Батлер был сбит в небе над провинцией Нге-Ан и его «скайхоук» загорелся и начал падать на землю, то он тоже вспомнил строчки из этого учебника. В воздухе он повторял слова о том, как найти «дружественным Соединенным Штатам партизан», о том, как предложить им доллары, как расположить к себе туземцев. Но, попав на землю, Батлер понял, что среди тех, кого американцы бомбят и обстреливают, друзей у него нет. И поэтому в плену он произнес совсем другие, показавшиеся ему более надежными слова:

— Вьетнам — вьетнамцам, а Америка — американцам!

Известный американский публицист Джером Дэвис публикует в журнале «Черчмен» беседу с одним из летчиков американских ВВС, участвовавшим в многочисленных боевых вылетах во Вьетнаме. Этот летчик сказал: «...мы проигрываем войну и должны убираться из Вьетнама». Люди Южного Вьетнама против Соединенных Штатов, подчеркнул он далее, ибо «...им не нравится, что какие-то иностранцы пришли в их страну и приказывали им, что делать. Точно так же чувствовали бы себя мы, если б к нам в страну вторглись иноземцы».

Беседу летчик заключил теми же словами, которыми он ее начал: «Американцы должны убираться из Вьетнама».

Хорошо бы Вашингтону прислушаться к голосу своих же солдат и убраться восвояси из Вьетнама. Чем скорее, тем лучше!

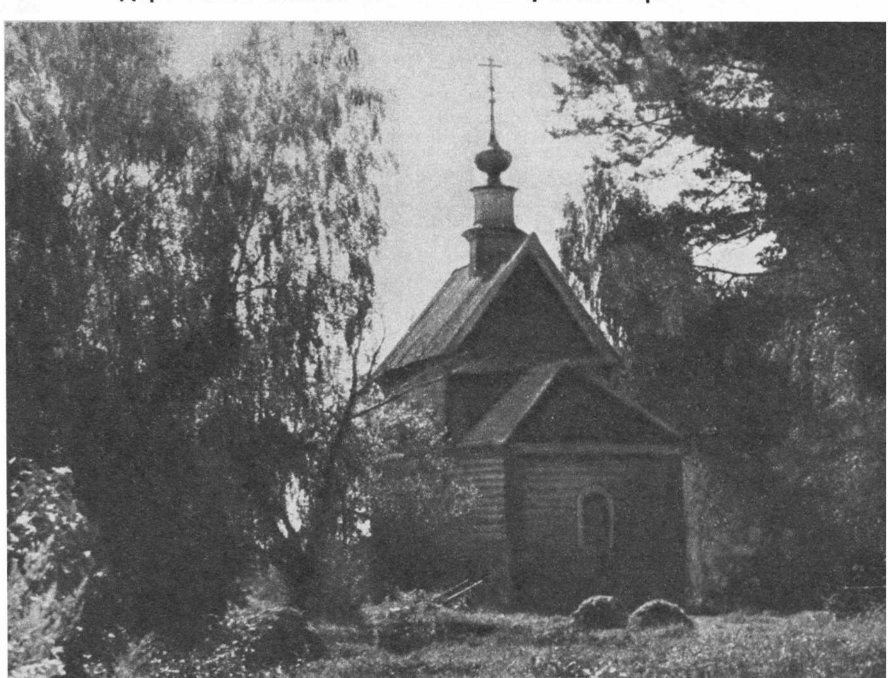
Несамоходная амфибия.

Если ты поедешь

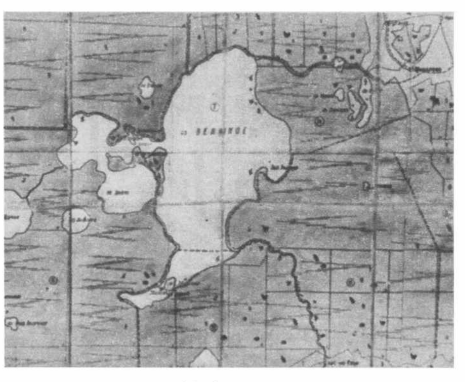
Филин, оказывается, и днем видит.

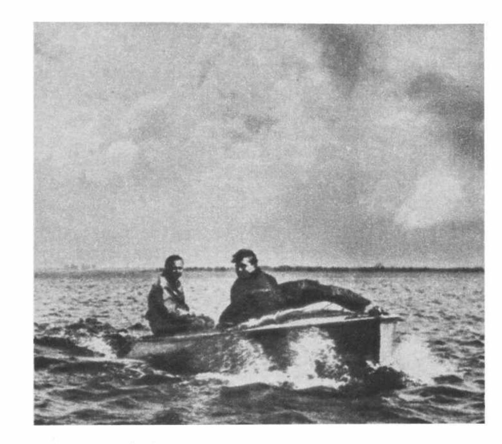
Деревянный Спас на Сози стоит со времен Петра Великого.

Кто захочет поехать в эти места, пусть вырежет нашу карту.

По озеру Великому.

Фото Бориса КУЗЬМИНА.

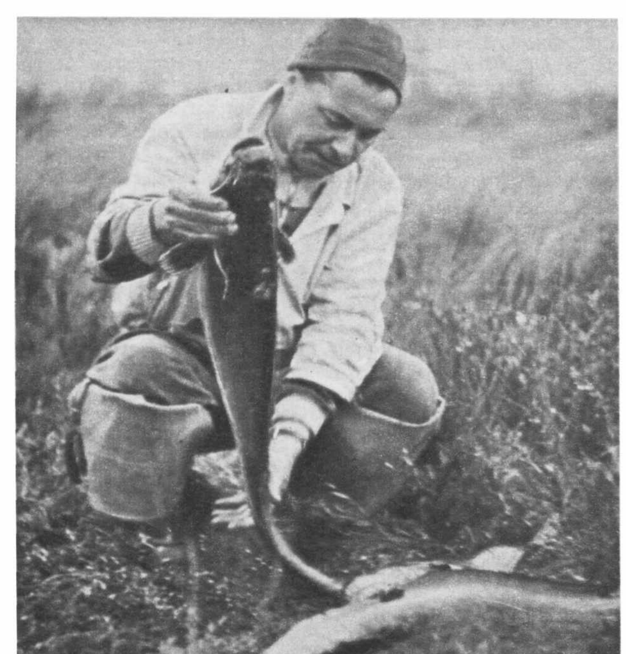
На каждом болоте есть кулики. И, как известно, каждый кулик хвалит свое болото. А на каждом озере есть чайки, которые хвалят свое озеро.

Если вы услышите призыв куликов и чаек, живущих на Петровских озерах, не думайте, что это лишь реклама. Там и вправду несказанно хорошо.

Это, может быть, выглядит несколько необычно, но мы хотим дать совет всем, кто уже стал или еще со-

на озера...

Этого сома съели, не взвешивая.

бирается стать туристом: поезжайте на Петровские озера.

Кусочек карты показывает район примерно в пятидесяти километрах восточнее города Калинина.

Можно уверенно сказать, что возле любого нашего города найдутся такие же славные места. Чтобы их увидеть, надо только захотеть. Поезжайте — не пожалеете...

Лунный дозор.

Свершилось

И. Г. КЭБИН,
первый секретарь ЦК КП Эстонии

Вопрос. В последние годы об Эстонии часто говорили как о республике хороших урожаев. Расскажите, пожалуйста, о переменах в эстонской деревне за годы Советской власти.

Ответ. Многое переменилось за четверть века в Эстонии: города и деревни, поля и хлеба. Изменились люди и их отношения. В нашей республике выросло целое поколение, которое только по литературе, живописи, кинофильмам может представить былой эстонский пейзаж: землю, изрезанную то на большие — кулацкие, — то на крохотные — беднядкие — полоски, с каменными межами между ними; неодинаковые — то очень богатые, то нищие — усадьбы; неодинаковые — то высокие и тучные, то низкие и редкие — хлеба. Всего три комбайна было во всем сельском хозяйстве буржуазной Эстонии.

И теперь, проезжая по дорогам Эстонии, вы иногда встретите уходящие в прошлое следы старой жизни. Но властно проступили на нашей земле черты другой, новой жизни: неразмежеванный простор полей; новые хозяйственные строения из силикатного кирпича под шиферными кровлями — фабрики мяса и молока; тяжело склонившиеся под балтийским ветром колосья ровных хлебов; новые дома колхозников и сельскохозяйственных рабочих, построенные по проектам архитекторов; молодые сады... Что касается механизации сельскохозяйственных работ, то скажем о тех же комбайнах: теперь их у нас в республике уже не три штуки, а три тысячи шестьсот. Да и мощность у каждого из них намного выше, чем у тех трех... Я знаю, что читатели обычно не любят, когда в юбилейные даты их перегружают цифрами. И все же не могу не привести несколько цифр. Ведь за каждой из них стоит четверть века труда, усилий, свершений.

Во времена наивысшего подъема сельского хозяйства при буржуазной власти, с 1935 года по 1939-й включительно, средний урожай составлял одиннадцать центнеров с гектара. В Советской Эстонии за последнее пятилетие, с 1959 года по 1963-й включительно, средний урожай был 12,5 центнера с гектара. А в 1964 году в среднем по республике было получено 16,4 центнера с гектара.

Климат наш и почвы приблизительно похожи на климат и почвы Финляндии. В своем интервью корреспонденту Эстонского телеграфного агентства главный директор Сельскохозяйственного управления Финляндии Ханс Перттула сообщил, что в Финляндии в 1964 году было получено с гектара 15 центнеров ячменя, 16 центнеров ржи, 136 центнеров картофеля. В нашей республике ячменя мы получили 18,4, ржи — 16,7, картофеля — 168 центнеров. Культуры эти основные как у нас, так и в Финляндии. Но возможности нашего социалистического сельского хозяйства далеко еще не исчерпаны.

Вопрос. А каковы, на ваш взгляд, эти возможности в условиях прохладного эстонского климата и небогатых почв?

Ответ. Пока могу только привести в пример достижения некоторых наших хозяйств. Колхоз имени Мичурина, Харьюского района, собрал 38 центнеров зерна с гектара, совхоз имени Ленина, Тартуского района,— 31, колхоз «Эстония», Пайдеского района,— 27,5. Многие хозяйства собрали по 25 центнеров с гектара. Такие урожаи становятся реальными на эстонской земле.

Вопрос. Что сделано в республике для повышения плодородия почв?

Ответ. Уже в минувшем году всем нашим хозяйствам были вручены агрохимические карты. На наш взгляд, это ключ к рациональному использованию минеральных удобрений. Пользуясь этим ключом, хозяйства стали правильнее удобрять поля. Кроме того, в больших размерах начато известкование кислых почв, а их много у нас в республике. Только за минувший год колхозы и совхозы внесли в почву 376 тысяч тонн сланцевой золы. С каждым годом увеличивается доза минеральных и органических удобрений. Особенно большим скачком отмечен нынешний год. У нас постоянно улучшаются земли с помощью мелиорации, сейчас этот процесс пойдет еще быстрее, так как государство помогло хозяйствам, взяв на себя стоимость мелиоративных работ.

Много делают для повышения урожаев наши ученые — агрохимики и агробиологи. Девяносто девять процентов полей под зерновые в Эстонии засеваются сортовыми семенами. Несколько лет назад ученые вывели и передали хозяйствам необыкновенно полноценное кормовое растение: гибрид кормовой брюквы и капусты «куузику». У этой брюквы-капусты нет никаких отходов, все идет на корм: и корешки и вершки. Это сразу увеличило запасы кормов. «Куузику» распространяется и по братским республикам.

Четыре с половиной тысячи молодых, полных сил, хорошо образованных специалистов работают в колхозах и совхозах: на каждое хозяйство сейчас приходится шесть или семь специалистов. И еще: четыре с половиной тысячи колхозников ежегодно занимаются в школах передового опыта. Ничто хорошее, передовое не остается в секрете.

Экономические показатели — лучшее свидетельство любых достижений. Так вот, за один только 1964 год денежный доход колхозников увеличился на 17,1 миллиона рублей, то есть на 15,8 процента.

Вопрос. Как это сказалось на личных доходах колхозников?

Ответ. Все наши колхозы перешли на денежную оплату труда, которая из года в год растет и в 1964 году составила 2 рубля 89 копеек в день. В колхозе «Эстония» люди зарабатывают в среднем по 122 рубля в месяц, в колхозе имени Вильде — по 109, во многих хозяйствах — по 100 рублей.

Думается мне, что сейчас, после мартовского Пленума ЦК партии, нет необходимости убеждать кого-нибудь, сколь важно для подъема сельского хозяйства решительно утверждать на практике принцип материальной заинтересованности. Но мне хотелось бы — может, это и не в русле юбилейном — заметить, что сейчас на первый план выдвигается еще одна задача, о которой мы часто забывали в предыдущие годы: подсчет, учет, планирование. Чем выше доход, тем более тщательным должен быть его экономический анализ. Нам, советским людям, приходится быть первооткрывателями во многих вопросах: в таких, как себестоимость колхозного и совхозного продукта, соотношение материальной заинтересованности колхозника и повышения производительности труда, оплаты рабочего дня...

Вопрос. Что изменилось в культурной жизни эстонской деревни за годы Советской власти?

Ответ. Многие наши старожилы помнят: в 1940 году на все эстонские деревни и хутора имелась лишь одна кинопередвижка, а стационарных установок на селе не было совсем. В первом квартале 1965 года у нас в деревне работало 414 киноустановок, из них 117 передвижек, в 1 100 пунктах нашей небольшой республики регулярно демонстрируются кинофильмы! За последние годы у нас построено 80 сельских клубов и строится еще 30. Читатели «Огонька», вероятно, знают, что эстонцы — большие любители хорового пения, народных танцев. Но деятельность сельских клубов куда многообразнее: там увлекаются и самодеятельным драматическим искусством, и живописью, и домоводством...

Ведется на селе и большое строительство школ.

Особенно хочется отметить службу быта на селе. Раньше эта служба была главным образом привилегией горожан. Теперь в каждом районном центре — комбинат бытового обслуживания. В колхозах и совхозах выделено для этого около ста помещений.

Наша служба быта решила покончить с традицией оседлости и перейти на кочевой образ жизни, чтобы добраться до каждого, кому она нужна. И вот на сельских дорогах появились автобусы, которые так и называются «Бытовые услуги». В них оборудованы мужские и женские парикмахерские, обувные мастерские. Ходят по сельским дорогам и автомобили с прицепами, приспособленными для ремонта радиоприемников, стиральных машин и другой бытовой техники. Во многих колхозах и совхозах организованы на общественных началах пункты приема заказов, которые потом передаются мастерским.

Вопрос. Как развивается жилищное строительство на селе?

Ответ. Здесь мы можем обойтись даже без цифр, потому что буквально в каждом колхозе и совхозе строятся новые дома. Идет своеобразный для прибалтийских республик процесс: если раньше люди жили на хуторах, то теперь они стараются селиться поближе друг к другу, к колхозному центру. Новые поселки проектируются специальными проектными организациями. Даже в самых отдаленных уголках республики, в таких, как, например, остров Кихну, кипит стройка.

Если говорить о переменах на острове Кихну, то я хотел бы сослаться на свидетельство в какой-то мере необычное. Сюда как-то приезжали из США эстонцы Харри Везик и Джордж Сутть — оба они уроженцы Кихну. И вот что заявили эти гости, уезжая:

«...Перед отъездом из Америки нам сказали, что нас не пустят на Кихну. А получилось так, что мы целую неделю провели на Кихну... Наш родной остров трудно узнать. Конечно, земля прежняя, море тоже прежнее, однако люди и труд стали иными. У рыбаков теперь хорошие моторные лодки и орудия лова. Не надо больше заботиться о том, куда сбыть рыбу. Государство покупает всю, и цена определенная, всегда знаешь, сколько получишь... На Кихну теперь своя электростанция, рыбозавод, больница, Дом культуры, школа...»

Я говорил об эстонской деревне. Но ведь и в городе — в промышленности, в науке, в культурном строительстве — республика шагнула далеко вперед.

Заканчивая беседу, я хотел бы напомнить строки из Декларации о вступлении Эстонской ССР в состав Советского Союза, принятой Государственной думой 22 июля 1940 года: «...лишь в составе великого Советского Союза и как равноправный член братской семьи советских республик, эстонский народ получит возможность поднять свою экономику, развивать культуру народов, обеспечить равноправие народов и гарантировать эстонским трудящимся мир, хлеб и подлинную свободу».

Это свершилось.

Х. Рооде. НА МОРЕ.

Л. Кокамяги. НА СЕНОКОС.

Р. Саргитс. ТООЛЗЕ.

Горизонты солнечного континента

Александр СЕРБИН,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Вступаешь на землю Африки и погружаешься в солнце...

В деревнях народа мандинго, в Мали, на центральной площади растет дерево, которое здесь называют дубален. Оно дает густую, прохладную тень. В одной такой деревне мне рассказали о дубалене сказку. Однажды некий старый человек, умирая, завещал свое имущество поровну двум сыновьям. Сыновья разделили одежды, глиняные сосуды, калебасы, горбатых коров зебу. Остался один бык. Поровну разделили мясо и шкуру. Однако с хвостом вышла загвоздка. Заспорили они между собой, кому он должен достаться, и вышла из-за этого большая ссора. Обратились братья к мудрецу. «Заройте бычий хвост в землю кисточкой вверх»,— посоветовал он. Братья послушались. А наутро там, где они закопали хвост, выросло дерево с густой кроной, которое здесь теперь называют дубален. «Сядьте в тени под этим деревом и обсудите свои дела»,— сказал им мудрец. Уселись братья в тени, подобрав под себя ноги, стали беседовать и очень скоро поняли, что им незачем продолжать ссору. С тех пор в центре каждой деревни в этом краю растет дубален, под которым собираются жители, когда им нужно решить спор или обсудить что-нибудь важное.

Есть в сказке глубокий смысл: призыв решать споры и важные вопросы в мирной беседе. Африканцы — миролюбивые люди. Когда-то давно колонизаторы создали миф о диких и кровожадных племенах, населяющих этот континент. Этот миф искусно поддерживался не одно столетие, служа оправданием колониализма.

История новой Африки насчитывает совсем немного времени.

Лишь в 1951 году стала независимой Ливия. Только в 1956 году добились независимости Судан, Марокко, Тунис. Первой страной, которая сбросила колониальные цепи в так называемой «черной» Африке, стала Гана, и это произошло всего восемь лет назад. В этом году сразу семнадцать стран африканского континента празднуют пятилетие своей свободы. 1960 год был недаром назван Годом Африки. Словно ураган, промчался он тогда по континенту, ломая колониальные преграды, отделявшие его народы от остального мира. Ныне на карте Африки отмечены своими цветами — не цветом метрополии! — тридцать шесть независимых государств.

Колонизаторы вовсе не были готовы к таким переменам, хотя ныне они и стараются приписать себе заслугу освобождения африканских стран. Когда в 1944 году в Браззавиле французские колониальные чиновники обсуждали будущее своих владений, то они исключили «всякую идею автономии, всякую возможность развития вне рамок французской империи». Когда в 1953 году английское министерство колоний сколачивало Федерацию Родезии и Ньясаленда, оно рассчитывало укрепить свое колониальное господство. Это были не расчеты, а просчеты.

Африканцы—миролюбивые люди. Но их традиционное миролюбие никогда не становилось безмолвной покорностью колонизаторам. От легендарного вождя зулусов Чаки, в начале прошлого века сражавшегося с английскими войсками, до патриотов Алжира, завоевавших независимость для своей страны, от воинов полководца Самори, сопротивлявшихся нашествию колонизаторов в Западной Африке, до бойцов, ведущих сейчас бои в лесах Анголы,— всюду и всегда на пути колонизаторов вставали люди, готовые отстаивать свою свободу с оружием в руках.

Борьба за освобождение Африки не окончена.

...Маленькая комнатка, окно, через которое видны пальмы и дома африканского квартала большого города. В комнате на стене висит карта Анголы, выпущенная автомобильным клубом Португалии, стоит простой деревянный стол. За столом сидит плотный широкоплечий человек с густой черной бородой, которая не столько скрывает, сколько подчеркивает его молодость. Это Даниэль Чипенда; он анголец, руководитель молодежной организации Народного движения за освобождение Анголы. На столе перед ним листки бумаги с текстом, напечатанным на ротаторе,— военные коммюнике. Даниэль протягивает мне один листок. Читаю:

«Бойцы НДОА продолжали удерживать инициативу...

В соответствии с планом был проведен ряд разведывательных операций, операций по установке мин и уничтожению стратегических и экономических объектов противника...

Противник продолжает оставаться в казармах, воздерживаясь покидать их, что затрудняет атаки наших партизан...

Наши партизаны захватили шесть автоматов и один 81-миллиметровый миномет...»

Эти события произошли недавно в Кабинде, части Анголы. Строки военного коммюнике сухи и скупы. Даниэль Чипенда помогает мне расшифровать их. Он подходит к карте и кладет на нее руку.

Вот она, Кабинда, тупым клином врезавшаяся между двумя республиками Конго. Леса, леса, леса. Зеленое море, деревья-гиганты в несколько обхватов, плотные стены кустов, влажная духота, осклизлая красно-бурая земля под ногами. Колонизаторы окружены этим враждебным для них лесом, они боятся его. Они сами ушли с базы в Миконже, они сидят, как взаперти, в Буко Зау. Передвижения португальцев находятся под контролем повстанцев. Военные базы патриотов иногда расположены в нескольких километрах от опорных пунктов врага. Война идет без линии фронта, без крупных сражений, но идет всюду, распадаясь на цепь мелких операций, молниеносных нападений на врага, когда он не ждет удара.

Быть здесь партизаном — значит уметь выдержать любые лишения и трудности. В лесном краю плохо с продовольствием. Недостаточно оружия. Не хватает медикаментов. Единственное, что есть у партизан в избытке,— стремление видеть родину свободной. Оно удесятеряет их силы.

— Сейчас Кабинда — главный район наших действий,— говорит Даниэль Чипенда.

Его рука движется по карте вниз, к югу. Теперь мы собственно в Анголе.

4 февраля 1961 года — начало широкой открытой борьбы ангольцев за независимость. В этот день в Луанде, главном городе Анголы, патриоты подняли восстание и пошли штурмом на тюрьмы. Португальцы ответили кровавой расправой над патриотами. Но вот уже пятый год не гаснет пламя освободительного движения на ангольской земле.

Португальские колонизаторы занимают позиции в городах. А в джунглях другая власть. Здесь патриоты создали свою административную систему, здесь есть центры военной подготовки партизан, есть народная милиция, есть школы, куда ходят учиться дети крестьян. Даниэль Чипенда познакомил меня с Хозе Пашкуалем, 28-летним учителем. Хозе только что выбрался потайными тропами из центрального района Анголы, и ему предстояло вскоре вернуться обратно.

— Знаете, что такое каньянгулу? — спрашивает Хозе.— Это — самодельное ружье. Ствол делают из водопроводной трубы. Из неразорвавшихся португальских снарядов добывают порох. Пулями служат железные обломки и мелкие камни. Чтобы ружье выстрелило, нужны спички — из серы делают запал.

В переводе с языка кимбунду, «каньянгулу» значит приблизительно «одним махом семерых убивахом». Но, грозное по названию, это оружие не может равняться с тем, которым вооружены колонизаторы. Современного оружия мало, доставлять его в леса трудно. С продовольствием лучше, чем в Кабинде, но тоже остро не хватает медикаментов, плохо с одеждой, приходится изготовлять ее из волокон коры дерева ндулу.

— Но самое главное—оружие,— говорит Хозе.— В лесах, откуда я пришел, живут, скрываясь от колонизаторов, двадцать тысяч человек. К нам приходит молодежь, все хотят сражаться, но на счету каждое ружье. Есть еще одна проблема: в Анголе действует организация Роберто Холдена. Эта группа людей тоже называет себя борцами за независимость Анголы, но, связанные с империалистами, они лишь мешают борьбе. Недавно я попался к ним в лапы, они хотели расстрелять меня. Только случай позволил мне остаться в живых. Позорная роль Холдена становится для ангольцев все яснее. Недавно, например, на сторону НДОА перешел один из видных деятелей этой группы. Наш путь нелегок, но народ полон решимости продолжать борьбу.

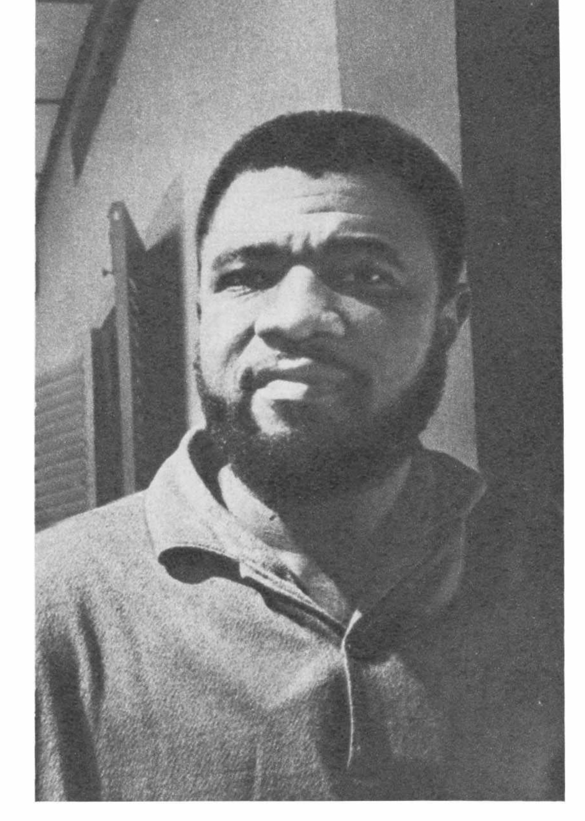
...Сейчас Хозе Пашкуаль, наверное, уже в Анголе. Навес на кривых деревянных столбах, под навесом скамейки и черная доска. У доски Хозе. На скамейках—черноглазые мальчишки и девчонки, которых он учит грамоте и любви к родине. Школу охраняют. Над

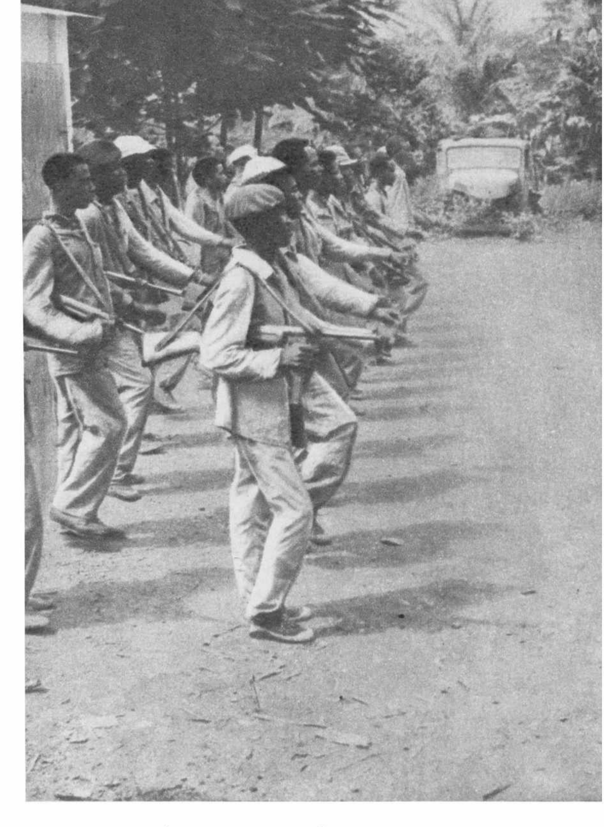

Это дерево называется дубален.

Его родина — Ангола.

Борцы за свободу.
Снимок получен из Анголы.

лесом могут появиться самолеты врага, которые будут сбрасывать бомбы или рассеивать отравляющие вещества. Португальцы могут предпринять рейд против лесных деревень. Однажды после такого рейда в деревне, где были лишь женщины и дети, остались одни трупы. Солдаты передушили всех. Если появится опасность, школьников уведут, а Хозе, учитель-партизан, возьмет в руки оружие, чтобы сражаться.

Да, Африка еще не вся свободна. На ее земле еще предстоят бои. Но каждый народ, поднявшийся там на борьбу за свободу, ныне не чувствует себя одиноким. Даниэль Чипенда сказал мне:

— У нас есть настоящие друзья.

Настоящих друзей каждого борющегося народа становится все больше в мире и, конечно, в самой Африке. Политическое развитие Африки идет такими шагами, какие совсем не были предусмотрены метрополиями, когда они были вынуждены соглашаться на независимость своих колоний. Прошло лишь двадцать восемь месяцев после Года Африки, как на континенте возникла Организация африканского единства. Африке, о незрелости которой так долго и так пространно говорили колониалисты, потребовалось совсем немного времени, чтобы понять важность единых действий в борьбе за подлинное освобождение континента. Значение конференции африканских государств в Аддис-Абебе в мае 1963 года для Африки трудно переоценить. Эта конференция — начало пути.

Десятилетия Африка была расколота на вотчины империалистов. До сих пор для того, чтобы перебраться с восточного берега Африки на западный, легче лететь через Европу. До сих пор телеграммы из одной африканской страны в другую идут зачастую через Париж или Лондон. Это — наследие колониализма, так называемые вертикальные связи, когда метрополия привязывала колонию к себе и тщательно охраняла ее от контактов с окружающим миром.

Колониализм оставил немало заноз в теле Африки: произвольно проведенные границы, однобокую отсталую экономику, ориентированную на рынок метрополии, «колониальное мышление» — искусственно внушенное африканцу представление о могуществе и превосходстве хозяина из Европы, хитро посеянную вражду между народами в рамках одного государства и прочее.

Уходя, колонизаторы хотят остаться. На свет появилась политика неоколониализма, многоликая и коварная.

В Африке мне попался в руки журнал «Уэст Эфрика», издающийся в Лондоне. В журнале была напечатана реклама «Барклейз бэнка». На журнальном листе была изображена маленькая африканская девочка с зеркалом в руках, с испугом рассматривающая свое изображение. Крупными буквами было написано: «Помогите!.. Седой волос!» Далее следовал такой игривый текст: «Успокойтесь, мадам. Это просто игра света. Вам предстоит прожить еще много лет, прежде чем у вас появятся настоящие седые волосы. И это будут бурные годы, так как новые поднимающиеся страны Содружества наций включают полный газ. Немало умов трудится сейчас, чтобы создать для вас блестящее будущее. Барклейз ДКО[1] тоже помогает ковать это будущее, содействуя торговле и обеспечивая финансовую стабильность. А когда ваши волосы станут седыми, по-настоящему седыми, мадам, Барклейз будет еще играть свою роль — для будущего ваших внуков».

Мне приходилось видеть отделения «Барклейз бэнка» в Африке. Обычно это—самое современное и солидное здание в городе, какое и подобает иметь самому крупному из большой пятерки банков Британских островов. Отделение банка стоит в центре города, вдали от туземных кварталов с узкими уличками, домами из глины, полуголыми ребятишками, у которых седые от пыли волосы. Но все его богатство создано здесь, на этих землях, именуемых «ДКО», в результате операций, проведенных ловкими финансистами, которые содействовали грабительской колониальной торговле и обеспечивали финансовую стабильность для колониальных компаний.

Времена в Африке изменились, но не изменилась природа империализма. Вынужденный действовать в независимых африканских странах иными средствами, он ставит перед собой прежние цели.

Ныне нет недостатка в рекламах, подобных той, на которую я наткнулся в английском журнале, и в широковещательных заявлениях о «содействии развитию» африканского континента.

Но в любом африканском городе еще видишь начищенные до солнечного блеска медные дощечки с названием иностранных банков, офисы чужеземных промышленных и строительных компаний. Нет смысла перечислять английские, американские, португальские и прочие компании, которые пустили глубокие корни в африканскую землю,— это перечисление заняло бы не одну страницу. Африка — пока слаборазвитый континент, и империализм использует это. Кваме Нкрума, руководитель новой Ганы, говорит: «Одна из наихудших бед, которые могут постичь молодую слаборазвитую страну,— это иностранная помощь на политических и экономических условиях».

Есть немало таких соглашений, навязанных империалистами некоторым странам Африки. Неоколонизаторы пытаются подобраться к управлению континентом с черного хода. И зная, что им трудно противостоять Африке, стремящейся к единству, они хотят посеять вражду между африканскими странами.

Я был в Африке в те дни, когда на Берегу Слоновой Кости в Абиджане заседали руководители Общей афро-мальгашской организации — ОКАМ. Состоящая из стран, где сильны позиции империалистов, эта организация исподволь противопоставляет себя Организации африканского единства. Не случайно с распростертыми объятиями участники совещания в Абиджане приняли в свои ряды чомбовское Конго.

Но политическая температура в Африке сегодня такова, что в ней плохо живут микробы неоколониализма. ОКАМ, едва лишь сколоченная, начинает распадаться. По адресу ОКАМ многие африканские лидеры и органы печати сказали недвусмысленные слова осуждения. В абиджанском совещании отказались участвовать ряд членов ОКАМ. Недавно из ОКАМ вышла Мавритания.

Африка ищет иные пути своего развития, она хочет идти вперед, но направляется не туда, куда хотелось бы «Барклейз бэнку». Идеи, предлагаемые Африке Западом, пахнут гнилью. Африканские страны вынуждены соглашаться на займы от капиталистических стран, порой необходимой бывает их техническая помощь. Но Африка не согласна продавать себя. Однажды состоявшееся «похищение Африки», как назвал Уильям Дюбуа историю захвата и грабежа континента, не сможет повториться вновь.

...В Гвинее, в Конакри, я зашел в маленькую лавчонку, стоявшую на одной из боковых улиц. За прилавком сидела пожилая женщина. Сзади нее на некрашеных полках был выставлен весь нехитрый набор товаров — бутылки с содовой водой, японские резиновые тапочки для пляжа, несколько свертков материи, какие-то дешевые украшения. А сбоку на стене висел портрет Ленина, вырезанный из журнала. Я спросил у женщины, знает ли она, кто этот человек.

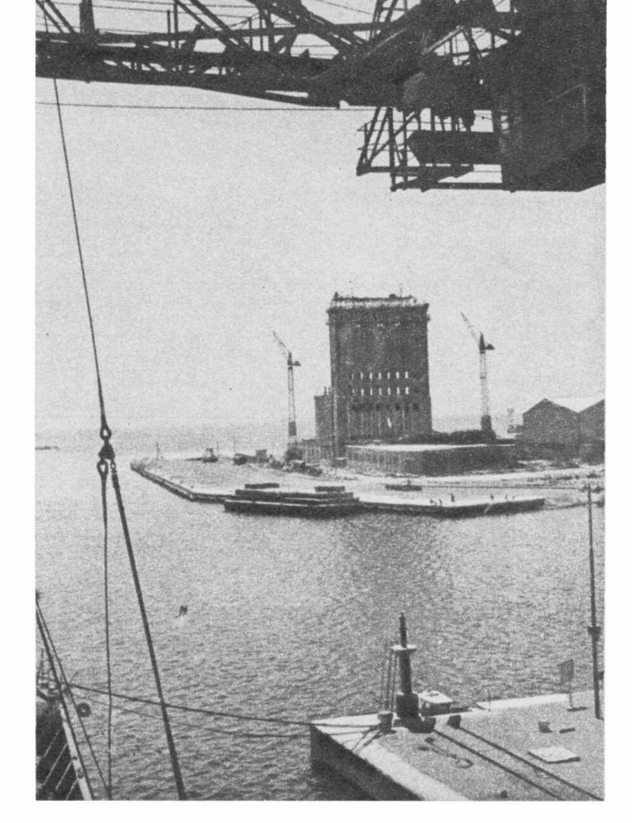
— Нет,— сказала она.— Но говорят, что это хороший человек.

И она дотронулась до портрета черной морщинистой рукой.

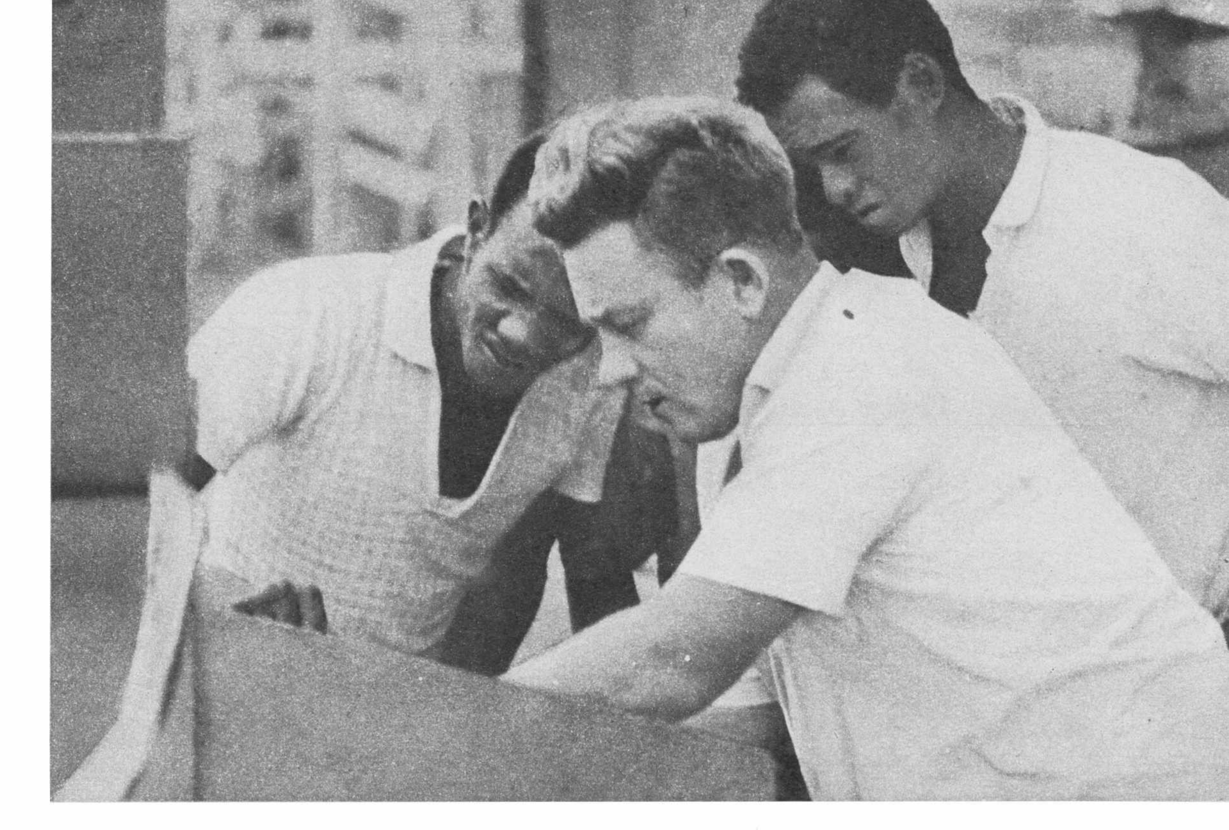
Это было в 1961 году.

Еще раньше мне рассказывали, что в Москву, в Издательство литературы на иностранных языках, которое издавало произведения В. И. Ленина в переводе на анг-

[1] ДКО — доминионы, колонии, заморские территории.

С каждым днем становится выше башня элеватора в Порт-Судане.

Советские специалисты всегда рядом.

лийский, пришло письмо из Ганы. Юноша, пославший его, прочел ленинские работы и теперь задавал вопросы Ленину так, как если бы он был жив.

В этом году я видел работы Ленина и Маркса на прилавках многих книжных магазинов в Африке. Сокровищница марксистско-ленинского учения, ранее закрытая для африканца, сегодня доступна ему.

Самым популярным лозунгом в Африке сегодня стал лозунг социалистического развития. О социализме говорят многие, иногда с прибавкой «африканский социализм», «исламский социализм», вкладывая в понятие «социализм» иной смысл, чем мы. Даже правые партии в некоторых странах, не стесняясь, прибегают к этому слову, чтобы завоевать себе сторонников. И уже одно это говорит о многом.

Но в Африке есть и серьезные демократические партии, которые положили в основу своей деятельности научный социализм.

Передовые страны Африки ищут пути к социализму, наиболее подходящие для специфических условий. Конечно, это нелегко в условиях слабого развития экономики, нехватки квалифицированных кадров, переплетения интересов империалистических держав в Африке. Но все яснее становится вывод: любой другой путь чреват зависимостью от капиталистических стран, продолжением прежнего существования.

Африканские народы находят равноправное сотрудничество и дружескую поддержку у стран социализма.

Далеко ли от нас до Африки? Если мерить расстояние в километрах, все осталось по-прежнему, как и сто и десять лет назад. Правда, как любят писать в путевых очерках, авиация сократила расстояния, и теперь, сев в самолет на Шереметьевском аэродроме вечером, к утру оказываешься на солнечном континенте, где твое пальто выглядит странно и смешно. Но не современная техника дала мне возможность понять, что Африка перестала быть далекой, какой она была сто или десять лет назад.

Из Африки я привез много приветов. Маленькая симпатичная девушка Люся, которая ехала работать в Сомали переводчицей группы наших специалистов, просила передать привет ее маме в Туле. Алжирские женщины наказали поклониться Вале — Валентине Николаевой-Терешковой. Арматурщик Альберт Азашоан из Аккры, где с советской помощью воздвигается домостроительный комбинат, просил не забыть поблагодарить работников домостроительного комбината в Очакове, под Москвой, где он осваивал свою профессию. Учительница Эмильен Батока из Республики Конго (Браззавиль) послала со мной дружеские слова Капитолине Гавриловне, переводчице, с которой Эмильен познакомилась в СССР, когда была здесь как член делегации. Ташкенту шлют привет его жители — летчики из экипажа самолета компании «Эр-Мали», который вез меня из Браззавиля в Аккру. Ангольские патриоты просили сказать всем советским людям, что они благодарят Советскую страну за поддержку их борьбы. Мои блокноты полны таких записей. Но об одном привете, посланном Виктору Федоровичу Барсукову, я расскажу подробнее.

Лично с Виктором Федоровичем я не знаком. Я не знаю, как он выглядит, чем увлекается, какие у него привычки — словом, все то, что могло бы помочь мне описать его читателю. Когда я приехал в Порт-Судан, стоящий на Красном море, Виктора Федоровича там уже не было. Крановщик Барсуков, работавший на строительстве элеватора, который сооружается по советскому проекту и с участием советских специалистов, вернулся на родину, в подмосковный город Воскресенск. Его друзья, которые остались закончить стройку, рассказали мне, что в Судане Виктор Федорович отпустил усы и за это был прозван Чапаевым. Впрочем, может быть, не только за это — профессия крановщика требует твердого характера, смелости, расчета.

Каждое утро в шесть часов к домам, где живут советские специалисты, подкатывает автобус. Надо взять от утра его прохладу. Впрочем, «прохлада» — понятие здесь относительное. В жаркие месяцы с утра столбик термометра начинает ползти к сорока. Садятся в автобус главный инженер строительства Юрий Александрович Козьмин из Алма-Аты, мастер-арматурщик Иван Федорович Майфетов из Армавира, электрик Николай Иванович Дудкин из Москвы, бетонщик из Волгограда, механик из Ростова, плотник из Ленинграда — кажется, вся страна бывает представлена в этом автобусе.

На стройке советских специалистов приветствуют обычным русским «доброе утро». С этого и начинается работа. Привилось здесь и знаменитое русское «Давай!». Впрочем, суданцы тоже наградили наших своим словечком «халас» — «кончено». Сделана работа за день, раздается «Халас!», и черные и белые руки тянутся ко лбам, чтобы стереть пот.

А с каждым днем все выше и выше поднимается у самого входа в порт серое четырехугольное тело рабочей башни элеватора. Когда я уезжал из Порт-Судана, оно возвышалось на сорок с лишним метров. Этот элеватор будет первым в Республике Судан. Раньше здесь хранили дурру в мешках или просто в ямах. Скоро элеватор в Порт-Судане и его родной брат — другой элеватор, который сооружают советские специалисты в городе Гедарефе,— обеспечат хранение зерна без потерь.

С помощью нашей страны в Судане сооружаются два консервных завода по обработке овощей и фруктов, завод сухого молока. На каждой из строек работают советские люди и суданцы, узнают друг друга, становятся друзьями.

Так стали друзьями в Порт-Судане Виктор Федорович Барсуков и Али Хевайталла.

Сейчас в автобусе, который отправляется по утрам к стройке, нет советских крановщиков, хотя два крана советской конструкции вовсю таскают тяжести. В их кабинах теперь сидят суданцы. Одного из них, Али Хевайталлу, научил обращаться с краном «Чапаев». Теперь руки Али лежат на ручках управления, и послушный его воле кран неустанно сует свой длинный нос в дела стройки.

Я встретил Али накануне отъезда из Порт-Судана и спросил его, не хочет ли он передать что-нибудь «Чапаеву». Он попросил меня подождать немного и через несколько минут вернулся назад с листом бумаги — письмом для Виктора Федоровича.

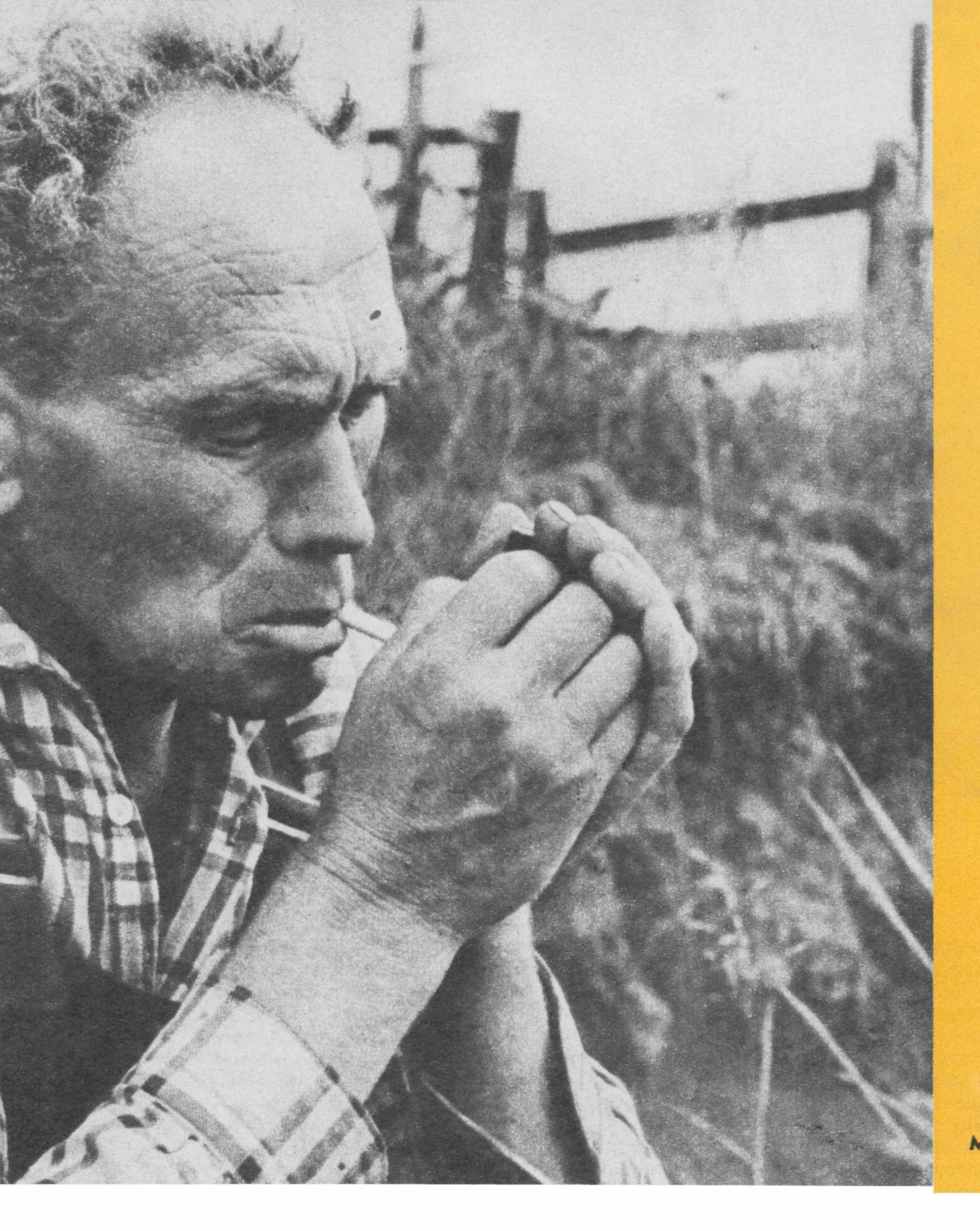
«Благороднейшему Виктору шлю привет, и да благословит тебя аллах, и да пребудут с тобой его молитвы.

Как ты живешь? Сердце подсказывает мне, что хорошо. Шлют тебе слова привета друзья твои Мусса и Абдалла, которые тоже интересуются твоим здоровьем. Кран, на котором ты работал, спрашивает, не скучаешь ли ты без него. Пришли мне, Виктор, твою благороднейшую фотографию. Передай наш салям твоей уважаемой жене, дочери и всем советским людям, которые живут в столице Москве.

Али Хевайталла».

...Пройдет немного времени, и соотечественники наши, которые работают в Порт-Судане, в Аккре, в Браззавиле, во многих других городах, взглянут напоследок на законченное дело рук своих, обнимутся с теми, с кем вместе трудились, и вернутся на Родину. А вернувшись, будут вспоминать Африку, искать в газетах сообщения из страны, где им пришлось работать, волноваться за ее судьбу, радоваться ее успехам. Человек всегда оставляет немного сердца там, где трудились его руки.

И Африка останется близкой, несмотря на расстояния, исчисляемые в километрах.

Человек чистой воды

Ю. КРИВОНОСОВ

Фото автора.

Михалыч.

По очереди с остервенением рвем за шнурок — толку никакого. Маленький моторчик на редкость упрям: издает какие-то булькающие звуки, а работать отказывается.

На бревнах, которые мы хотим превратить в дрова, спокойно восседает бакенщик Николай Михайлович, или попросту Михалыч, смотрит на наши мучения и в конце концов не выдерживает:

— Чудной вы народ, ребята, рассудительности у вас никакой, одна горячка. Тяп-ляп не выйдет. Сначала осмотрим пилу. Теперь мотор...

Он прошелся пальцами по рычажкам и кнопкам, как музыкант по клавишам, взялся за шнурок, степенно дернул. Мотор чихнул и тут же застрекотал, звонко и обрадованно. Из-под звеньев пилы помчались светлые ручейки опилок, и один за другим от бревна стали отскакивать ровные чурбаки. Однако уже на третьем бревне Михалыч заглушил мотор:

— Айда-те, братцы, к воде: там какие-то деятели чалятся!

«Деятелями» оказались два хлопчика. Один, остроносый, с нечесаной, кудлатой шевелюрой вывалил из лодки огромный разлапистый якорь на тонкой бечевке, другой, щекастый и лопоухий, в ремесленной фуражке, накрутил ручку патефона, и тот простуженно захрипел какое-то ископаемое танго. Ознаменовав таким образом свое прибытие, они достали замусоленную карту, взглянули на название дебаркадера и обвели кружочком точку — Черный Яр.

— Куда направляетесь, морячки? — осведомился бакенщик.

— Поднимемся по Двине до Холмогор сначала, а там посмотрим.

Ребята покрутили еще с полчаса свою шарманку и отправились дальше, а мы с Михалычем пошли чаевничать. В домике был беспорядок, сопутствующий ремонту,— навалены рейки, листы фанеры, краска, инструменты. Впрочем, все это в первой комнате, вторая уже сияла белизной побелки, яичное солнце играло на свежевыкрашенном полу. Михалыч подошел к пульту, утыканному выключателями и предохранителями, что-то нажал.

Загудел селектор, откликнулись голоса.

— Петрович,— позвал он какого-то своего коллегу,— там к тебе после обеда притопают на веслах два робинзона, так ты их дальше не пускай, гони назад, в Архангельск, чтоб до темноты домой успели. Лодка у них без фонаря, а мозги без понятия, не дай бог, под пароход угодят. Матерей им, чертям, не жалко...

— Добро, Михалыч,— отозвался тот,— бывай здоров!

— Затянул ремонт за делами,— говорит бакенщик, прихлебывая чай,— да и новое это для меня ремесло: раньше больше взрывами занимался, по минерской специальности. А тут надо оборудоваться посолидней, на долгую жизнь: в списках-то я давно на том свете числюсь, и костлявая не скоро меня хватится. Почему на том? Опять же по минерской части. До войны на Амуре служил, еще в тридцать шестом японские мины тралил, что от интервенции остались, а в сорок третьем перекинули нас на Черное море. Попал было в морскую пехоту, во взвод конной разведки. А какой из меня кавалерист — смехота! Учился лозу рубить — кобыле ухо отсек напрочь. К счастью, вскорости катера получили, занялись тралением, порты черноморские очищали от мин, и шло все спокойно, пока в Севастополе не грохнуло. Под вечер было, к пирсу шли, когда возьми да всплыви магнитно-акустическая. А мы баржу, что за собой таскали с приманками на эти мины, уже на короткий буксир взяли. Ну и шарахнуло. Механика с пулеметчиком за борт сбросило, минеру пятку о палубу раздробило — такой удар был, а меня по спине ящик с патронами навернул, спасибо, лента была в пулемет заправлена, самортизировало малость, а то бы крышка: сорок килограммов в нем весу. Пришел в себя, огляделся: компас вверх ногами, бинокль на мачте висит, фуражка улетела, в волосах ракушки, китель илом оштукатурило, аж пуговиц не видно. Понятно, попал в госпиталь, а там с кем-то меня перепутали, прислали домой похоронку. А я поправился — и в отпуск. Мать, как увидала в дверях, так от стула, как в гипнозе, по сантиметру поднимается, и лицо на глазах сереет. Я напугался. «Мама,— говорю,— не волнуйтесь, не привидение это, а сын ваш живой, можете пощупать». Ну, конечно, слез было... Потом уехал довоевывать да дослуживать, а в пятьдесят шестом демобилизовался по болезни — и в Архангельск. Пенсию добрую дали, квартиру в городе. Пожил малость — не могу без воды. Четверть века ведь на флоте отслужил, и все командиром катера... На суда нельзя: здоровье не то—пошел в бакенщики. Квартиру отдал без сожаления и переселился сюда на пост. Двина — река серьезная, и работа опять же для людей — сам водил суда, цену ночным огонькам знаю.

Место тут как будто тихое, а покою не бывает: то свое хозяйство техническое проверяешь, то с шоферами лаешься — корма тут сгружают с барж, а они вывозят. Как забуксует машина — хлоп мешок под колеса. Разве это дело? И их вроде винить нельзя: дороги нету, после дождя размазня одна. Я из-за этого со всем местным начальством переругался, заодно и за кладбище корабельное: гниет поблизости за мыском железа тьма. Один пароходишко, правда, после того порезали, да опять забыли. И почему это без ругани у людей память коротеет? Опять же перед ночью поспать мне требуется. Почитать даже некогда, журналов выписываю много, да все зимы дожидаются — тогда с женой перешерстим их от корки до корки, и книг проглотим множество. А летом не до того: летом река кипит, что днем, что ночью.

Река действительно жила напряженно: мчались белыми стрекозами «Ракеты», в их выпуклых глазах-окошках застыло изумление от собственной скорости, не спеша топали буксиры, волоча вязанки

барж, за которыми тянулся к берегам переливчатый волнистый шлейф. С наступлением темноты суда исчезли, остались только огоньки — белые, зеленые, красные. Одни двигаются медленно, другие быстро.

— Прилив,—говорит Михалыч,— море близко. А вот и мои огоньки — вон на бугре, это столбы, а те на воде. Некоторых отсюда и не видно, за поворотом прячутся. Если хотите все посмотреть, пошли со мной на обход, сейчас только «велосипед» возьму, и двинем...

Он возится в сенцах, вытаскивает подвесной лодочный мотор, крепит к лодке и спрашивает:

— Думали, небось, почему огни зажигать не ехал? А у нас автоматика, сами загораются. Мое дело — батареи менять да не проморгать, если лампы перегорели или фотоэлемент отказал. Была, правда, у меня полоса диверсий— то один огонь не зажигается, то другой: исчезают батарейки, а кто крадет — ума не приложу. Устроил засаду и поймал ребятишек из соседнего села. Они, оказывается, наладили себе фонарики мастерить. Пошел в школу, всех собрал, рассказал кое-какие истории пострашней из морской жизни, как в войну вслепую суда водили. С тех пор они мне первейшие помощники. Бывает, кто-нибудь к моему столбу корову привяжет попастись, пацаны тут как тут: «Куда вяжешь? Нешто это тебе дерево? Столб-то сигнальный! Опасность создаешь государственную!»

...Над горизонтом висит красная луна, объемная и близкая, как глобус. Мы идем прямо на нее, разбрызгивая звонкие огненные чешуйки. Мимо проплывают темно-фиолетовые глыбы пароходов. Михалыч весело сообщает:

— Уху матросики заварили, вон каким наваристым дымком потянуло. Может, и нам того, рыбки надергать? До утра времени много, вам, чай, не на работу, и у меня вроде порядок, все светлячки работают.

...Костерок, уха в котелке, и, как всегда, лучшая к ней приправа — рыбацко-охотничьи байки. Михалыча слушать интересно, он по этой части дока, только никогда не рассказывает про свои охотничьи странности. О них знаю от Рудика, приятеля, зазвавшего меня в гости к бакенщику. А странности эти такие: может Михалыч просидеть зорьку с незаряженным ружьем, смотрит на птичью хлопотню да о чем-то своем думает. Или как зимой ходит по лесу с топором да рубит петли и самострелы браконьерские, что на лосей поставлены.

...На обратном пути у нас заглох мотор. Рудик уже было взялся за утреннее занятие — дергать за шнурок, но Михалыч его остановил.

— Брось это дело, у меня «велосипед» с характером, пусть себе покуражится. В моторе ведь тоже норов, как в человеке, это я еще с флота понял. Всю жизнь людьми да моторами занимался. Служить тоже оказалось дело непростое. За четверть века чего только не увидишь: один служит, другой выслуживается, третий прислуживает. Трудней всего служить. Оно же и легче. Ну вот, поболтали, а теперь подергаем!..

...Над рассветной рекой стелется плоский туман, всхлипывает вода, рассекаемая носом лодки, Михалыч что-то мурлычет, и в этой тишине спокойно и легко думается.

Вот передо мной человек, общительный и разговорчивый. Разные встречаются на земле люди. Одни разговорчивы от болтливости— про Михалыча этого не скажешь: ничего пустого он не говорит, все к месту и к делу. Других прорывает, когда подолгу одни живут где-нибудь в глухомани,— это тоже не подходит, место здесь бойкое: с одной стороны река, с другой — шоссе. У кого что сломалось, заворачивают к бакенщику, благо он любому механизму поправку сделать может. Для меня ему специально рассказывать тоже вроде бы ни к чему: Рудик, по нашей договоренности, не проговорился, что я журналист. Правда, Мишка меня засек — я не собирался писать о Михалыче, просто приехал на несколько дней отдохнуть, но иногда делал кое-какие записи в блокноте, просто так, для себя, и уходил для этого куда-нибудь в укромный уголок. Там меня и увидал Мишка — пятилетний племянник бакенщика.

— Дядь, а ты зачем в книжечку все пишешь?

— Да вот что замечу, то и записываю.

— Это если не поверят, чтоб показать? И про меня записал, что неумытый?

— Записал.

— Ну ладно, только никому не показывай.

— Не покажу, и ты молчи про книжечку.

Мишка, как истинный джентльмен, никому ничего не сказал, верней всего, сразу и позабыл об этом.

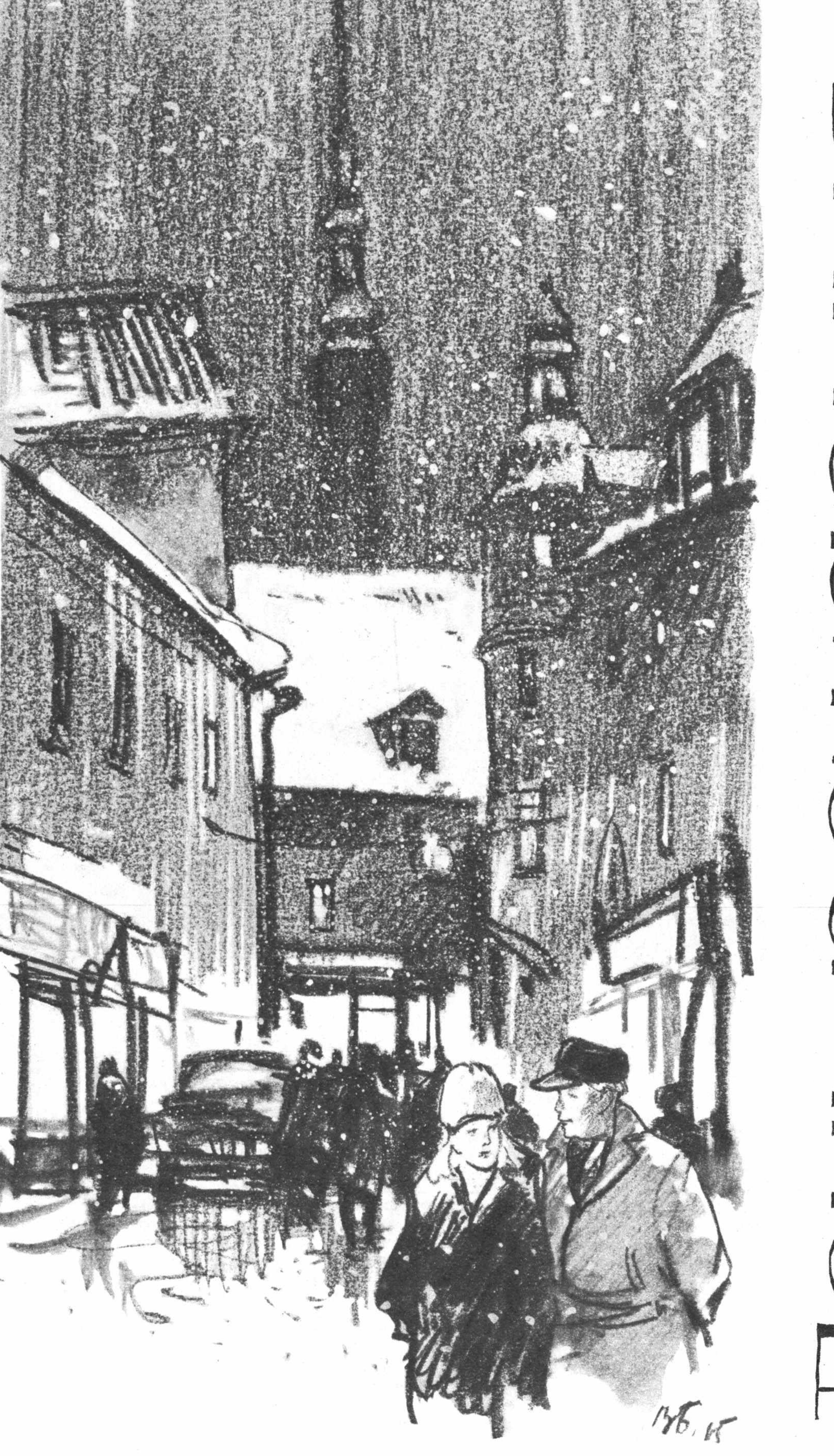
И вот теперь думалось мне, что раскрывает Михалыч перед людьми свою жизнь просто от душевной чистоты, нет у него ни перед кем никаких секретов.

И когда я это понял, захотелось мне написать об этом бакенщике и назвать очерк «Человек чистой воды». Михалыч всю жизнь выводил корабли на чистую воду, за это и китель его украсился многими орденами, и каждая награда — это порт, подходы к которому очищены от мин. И носит он свои ордена с достоинством, как и именные часы с надписью: «Мичману Хрущеву Николаю Михайловичу за добросовестную службу. Маршал Советского Союза Малиновский. 1956 г.»

И теперь Николай Михайлович продолжает дело всей своей жизни — следит за тем, чтобы судам спокойно плавалось.

Возле домика поста из земли торчит какая-то труба, закрытая крышкой. На крышке буквы — ГУГМС. Спросил про нее Михалыча.

— Это метеослужба поставила. Как тебе проще объяснить? В общем, земля отсюда меряется, вроде бы начинается она от меня. Ну живу я будто у центра земли, соображаешь? И я за этот центр в ответе, вроде я на этой точке наиглавнейший человек.

День рождения

Арво **ВАЛТОН** — Рассказ — Рисунок В. Богаткина.

— Извините, у меня к вам просьба. Не смогли бы вы сегодня вечером посидеть со мной в кафе?

Девушка в растерянности остановилась:

— Я не понимаю...

— Я очень прошу. Потом я вам все объясню, и вы поймете.

— Но разве так приглашают в кафе?

— Я вам потом объясню. Я и сам не привык так приглашать.

— Я, право, не знаю. Странная просьба...

Они идут рядом: Эльмо и незнакомая девушка. Он спрашивает:

— Вам какое кафе нравится?

— Я как-то не думала об этом. А вам?

— Я тоже не знаю. Может быть, пойдем в «Тоомас»? Тут недалеко.

— Ну, если уж недалеко...

Они приходят в «Старый Тоомас». Эльмо помогает девушке снять пальто.

— Хотите причесаться?

Пока девушка приводит себя в порядок, Эльмо стоит и улыбается. Он мучительно думает, что ей сказать, когда они войдут в зал.

— Удалось причесаться? — спрашивает он.

— Удалось.

Они садятся за свободный столик, и девушка говорит:

— Странно. Честное слово, странно...

Спустя минуту Эльмо спрашивает:

— Что вы подумали, когда сказали «странно»?

— Я подумала о том, что я вот совсем неожиданно оказалась в кафе. Да еще, так сказать, с чужим молодым человеком.

Эльмо спрашивает с опаской:

— Может быть, нам стоит познакомиться?

— Я думаю, что можно.

— Моя фамилия Раун, но вы зовите меня просто Эльмо. Вообще-то я слесарь, недавно получил пятый разряд.

— Сильвия Лоотос.

— Хорошо. Я буду звать вас Сильви.

— Мне больше нравится Сильвия. На работе, правда, все говорят Сильви, но Сильвия — это лучше.

— Пусть будет так. Но, пожалуй, Сильви красивее.

Наверно, у них появилась бы еще одна тема для разговора, но к столику подходит официантка, и тогда Эльмо спрашивает у Сильвии:

— Вы коньяк пьете?

— Я не знаю. Обычно я ничего такого не пью. Поэтому я не знаю.

— Я слыхал, что к коньяку полагается омар, но омаров тут наверняка нет.

— Конечно, откуда им тут быть!

— Или лучше коктейль?

— А разве коктейль лучше коньяка?

— Омаров у них нет. Коктейль не лучше коньяка. Возьмем вина?

— Да, возьмем вина.

Когда принесли кофе и вино, Эльмо сказал:

— Теперь я вам расскажу, почему я так просил вас пойти со мной сюда.

— Да, да, расскажите, пожалуйста.

— У меня сегодня день рождения, и я хотел, чтобы от этого дня осталось хорошее воспоминание.

— Тогда я должна пожелать вам счастья.

— Действительно, так вроде бы полагается...

Сильвия протягивает руку. Эльмо неловко встает.

— Желаю вам много, много счастья. Будем надеяться, что пожелание счастья от постороннего человека поможет вам в жизни.

— Конечно, поможет,— говорит Эльмо благодарно.— Хорошо, когда находишь человека, который желает тебе счастья.

— Разве у вас нет друзей?

— Есть, но они далеко... Знаете, иногда бывает такое чувство, будто у тебя где-то далеко есть хорошие друзья.

— Мне тоже так кажется.

— У вас что, тоже нет друзей?

— Есть. Они такие же, как и ваши.

Они пьют вино. С удовольствием. Эльмо говорит:

— Во Франции каждый день пьют вино.

— Бедные французы! Им подобное сидение в кафе не доставило бы никакого удовольствия.

Эльмо смеется. Он берет Сильвию за руку и пожимает ее. Девушка отдергивает руку.

— Не стоит... Так нельзя.

— Простите.

Сильвия молчит. Эльмо смотрит на нее грустным и счастливым взглядом. Затем он начинает выдумывать тосты:

— Выпьем за то, что мы здесь, вдвоем. Что вместе с нами нет других.

— Можно выпить. Только... вспомним далеких друзей и выпьем за то, что мы вдвоем.

— Ну что ж. Человеку иногда хочется побыть вдвоем. Можно выпить и за это... Верно?..

— Почему вы именно меня выбрали, чтобы позвать в кафе? — спрашивает девушка.

Эльмо задумывается.

— Никто не может объяснить, почему он кого-нибудь выбирает. Никто не может. Если объяснит, то это объяснение будет все равно выдуманное — для самообмана.

— Я же некрасивая девушка. Смотрите, не вздумайте мне говорить, что я какая-то необыкновенная...

— А я сказочный принц или Жерар Филип?

— Это неважно.

— Вы совсем не некрасивы,— говорит Эльмо.— И некрасивые девушки не хуже других. Я говорю это вообще, но вы совсем не некрасивы.

— Вы просто вежливы.
Эльмо говорит горячо и убедительно:
— Вы не некрасивая девушка. Я никогда не сидел в кафе с таким приятным человеком.
Сильвия смеется:
— И часто вы бываете в кафе с другими девушками?
— Нет. Не часто. Честно говоря, я еще ни разу не сидел в кафе с девушкой, но я не хотел бы делать этого ни с кем другим, кроме вас.
Сильвия говорит:
— Я бы не пошла с вами, если бы знала, что вы будете так говорить.— Она теребит край скатерти.— Но ведь вы бы позвали другую, если бы не встретили меня. Наверняка пригласили бы.
— Любую я, конечно, не позвал бы. Я не такой, чтобы звать любую.
— Но если бы я сегодня не вышла гулять?.. Я ведь сначала и не собиралась. Я должна была... заниматься. И тогда вы пригласили бы другую девушку. Верно?
— Но вы же все-таки вышли гулять.
— Вышла, да, но если бы я этого не сделала?
— Разве можно предсказать, что бы тогда произошло?
— Но ведь у вас не каждый день день рождения.
Веский аргумент! Эльмо вынужден признать, что тогда (может быть!) он обратился бы с предложением к кому-нибудь другому. Он говорит:
— Но я очень рад, что вы оказались именно той, кого я встретил.
— Вы же обещали не говорить такие слова.
— Я не обещал, но... Но в этом же нет ничего плохого.
— Я не хочу. Я действительно не хочу.
— Почему же?
— Я не хочу. Потому что потом можно разочароваться.
— С вами уже случались такие неприятности?
— Нет, но я знаю, что в этом разочаровываются.
— Если заранее бояться разочарования, тогда нельзя ничего предпринимать.
— Да, это верно.
Потом Сильвия спрашивает:
— Разве у вас нет родственников, что вам приходится так праздновать свой день рождения?
— Есть. Хотите, я скажу вам смешную вещь?
— Хочу.
— У меня дома сейчас празднуют день рождения. Там собрались родственники и пьют за мое здоровье... А я здесь, и поэтому у меня хорошее настроение.
Сильвия изумлена:
— У вас дома родственники, а вы приглашаете незнакомую девушку в кафе?.. Это ненормально.
— Родственники тоже говорят, что я чудак, но они прекрасно могут обойтись и без меня. Я в этом уверен.
Сильвия говорит:
— Это забавно, что вы удрали из дому.
— Я же говорил, что забавно... Я ушел и сказал им, что скоро вернусь, немного погуляю. Пусть там делят пироги между собой... Я думаю, им не скучно, они не особенно страдают от моего отсутствия. Отец наполняет им бокалы, а мама заставляет кушать.
— Расскажите мне что-нибудь о своих родственниках. Наверно, хорошо, когда их много?
— Просто благодать. Все, с кем общаешься,— родственники. Если вы, например, не знаете своей сестры, тогда она вам и не родственница.
— Как же так?
— Ну какая она родственница, если вы с ней незнакомы! Если вы не ходите к ней на день рождения, если она не ходит к вам на день рождения... С каждым из родственников вы должны посплетничать о каком-нибудь другом родственнике. Иначе подумают, что вы к ним безразличны... Родня—святое дело... Только я чудак. Иду в свой день рождения вечером в кафе с незнакомой девушкой.
Сильвия говорит мечтательно:
— Если бы у меня были родственники...
— Разве у вас никого нет?
— Нет.
— А родители?
— Я не знаю. Наверно, они есть, но я не знаю. Я потерялась во время войны. Я тогда еще была такая, что даже говорить не умела. Разве не смешно?
— Что смешно?
— Где мне их искать, если я даже не знаю своего настоящего имени? Не знаю, где жила, какая была семья. Ничего не знаю. Свою фамилию я получила в детском доме... Туда приходили брать детей, но меня почему-то никто не захотел взять.
— Был бы я тогда постарше, я бы взял вас к себе в дочери.
— Вы-то, может быть, и взяли... Но ведь вы не были старше... Теперь воспитанники детского дома все разъехались... Там сейчас новые ребята. Даже воспитатели новые...
Эльмо говорит:
— Знаете, Сильвия, один из моих дядей тоже исчез. У него, кажется, была дочь такого возраста, как вы... Мы их часто вспоминаем.
— А вдруг я и есть эта девочка?— Сильвия улыбается.— Может быть, я и есть ваша родственница. А что, если бы это оказалось правдой?
— Это было бы ужасно. Убегаешь из дому от родственников, приходишь в кафе — и снова родственница за столом.
— Эльмо, я была бы очень довольна, если бы выяснилось, что я ваша родственница.
— Я представляю себе, как бы мы пошли сейчас домой, и я бы сказал, входя: «Вот вам еще одна родственница». Сейчас они уже навеселе. Мильда и брат, которые обычно в ссоре, обнимаются и мирятся. Они делают так на каждом дне рождения. Дядя Рейн сказал бы: «Если родственница, пусть выпьет штрафной». Потом нам найдут места за столом и удивлению не будет границ. Тетя Лииза — сентиментальная женщина, она будет плакать. Дядя Тиит, конечно, захочет с вами целоваться, и жена будет удерживать его. Моя мама будет все время всплескивать руками и говорить: «Ну ты подумай!» Все плотно окружат новую родственницу, и на следующем дне рождения, если она будет отсутствовать, начнут обсуждать ее качества...
— Я хотела бы, чтобы они были моими родственниками... И пусть сплетничают обо мне. Это даже может быть интересно...
— Вообще-то, пожалуй, есть одна возможность стать их родственницей. Только иначе, чем вы думаете.
— Как иначе? — удивляется Сильвия.
— Это зависит от того, захотите ли вы сами... И от других разных обстоятельств тоже зависит...
— Я уверена, что с удовольствием стала бы вашей родственницей.
Сильвия не понимает. Просто не понимает, и все.
Кафе закрывается, Сильвия и Эльмо допивают свой остывший кофе.
На улице девушка говорит:
— Странно, да?
— Да, очень странно... но и очень здорово!
Через некоторое время Сильвия спрашивает:
— Что вы подумали, когда сказали, что странно?
— Я подумал о том, что хорошо праздновать день рождения в хорошем обществе... А вы о чем подумали?
— Я подумала, что, может быть, мы вдруг в самом деле родственники... Вот было бы хорошо, верно?
— Когда у человека слишком много родственников, это не радует.
— Ну да, но когда нет ни одного, ведь от этого тоже не очень весело.
— Может быть. Я не знаю.
Они идут молча. До самого дома Сильвии. У двери Эльмо говорит:
— Вот и прошел мой день рождения.
— Да, через год будет снова.
У Эльмо огорченный вид. Наверное, он сожалеет о том, что не решается назначить ей свидание. Он только благодарит Сильвию.
По дороге к дому Эльмо размышляет над тем, что, оказывается, есть на свете люди, у которых нет родственников. И от этого им очень грустно.
Сильвия долго лежит с раскрытыми глазами. Ночная рубашка у нее в синюю горошинку.

С эстонского перевел
Г. МУРАВИН.

Юхан СМУУЛ

Шторм на море

Взору вольному открыта,
ширь морская — наша мать —
нынче хмурится сердито,
начинает бушевать.

Туч приплыли караваны,
ливнем с градом клокоча,
резкий голос урагана
вслед летит, как свист бича.

Стены волн, черны и яры,
у бортов, кипя, встают.
Будто молотов удары,
взмах за взмахом, лодку бьют.

И рыбачка, брови хмуря,
смотрит на́ море: ведь там
путь прокладывать сквозь бурю
трудно будет рыбакам.

Шторм на море. Гул зловещий,
дали грохота полны...
По камням прибрежным хлещет
грива львиная волны.

Пауль-Эрик РУММО

Три имел я лучших слова:
слово — золото литое,
слово — серебро, а третье,
третье слово — из латуни.

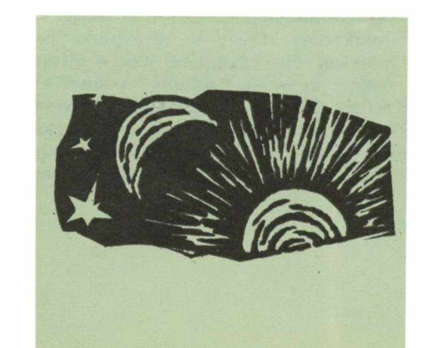
Ой ты девица-невеста,
все тебе их подарил я,
ничего я не оставил,
кроме дудочки веселой.

Одному велел я слову
солнцем плыть в небесной сини:
пусть звенят его напевы,
словно шпоры золотые!

Пусть второе, точно месяц,
под твоим окном мерцает
и тебя, тоскуя, кличет,
кличет звонко, серебристо!

Третье слово пусть звездою
у тебя в глазах искрится,
пусть ко мне оно вернется
только вместе с поцелуем!

С эстонского перевел
Бронислав КЕЖУН.

Эстонские этюды

Н. ХРАБРОВА

Мета с Берега Бурь

Рано утром 9 ноября 1924 года, когда Мета родилась, горели все маяки, шторм ревел у причалов, и море будто хотело раскачать остров Хийумаа, на котором она родилась. Она была восьмым ребенком в семье. Отец ее, Виллем Ваннас, был очень рад ее появлению на свет.

В молодости Виллем работал на таллинском заводе «Двигатель». Иные привозили с городских заработков бережно скопленные деньги и покупали коня или лодку. Виллем Ваннас привез богатство невидимое и невесомое, но его было так много, что хватило и детям и всем его друзьям, знакомым и незнакомым: он вернулся из города марксистом.

Когда началась война и фашисты заняли Эстонию, остров Хийумаа держался еще два месяца, его защищали русские матросы и ставшие воинами островитяне — Виллем Ваннас с товарищами. Они встретили врага лицом к лицу и погибли непобежденными.

Рано утром 9 ноября 1941 года — Мете именно в этот день исполнилось семнадцать лет — ее втолкнули в тюремную камеру. Девушку подхватила здесь старшая сестра, Хелье, и Мета не без гордости сказала ей:

— Мне тоже, как и тебе, дали четыре года.

— Милая ты моя, ты говоришь это так, будто завидовала мне!

И Мета призналась: да, она горько завидовала политзаключенным и не могла понять, за что же фашисты пощадили ее, самую активную — после Хелье — комсомолку на острове Хийумаа, на Берегу Бурь.

Но фашисты никого не пощадили. Семью Виллема Ваннаса расшвыряли по тюрьмам, и, пронумеровав каждого «для порядка», отправили в концлагеря. Они встретились в Штутгофе — четверо на одних нарах, где тесно было и одному. И жили — в чем душа держалась,— сопротивлялись надзирателям, голоду, болезням, страшной идеологии, изыскивавшей сотни способов, как убить в заключенных человека. Однажды ночью Мета вдруг озябла: это тело мамы остывало рядом. Мета прислонилась головой к острому неживому плечу и потеряла сознание. Не слышала, как в Штутгоф в ту ночь вошли советские танки. Когда ее привели в сознание военные врачи, она разыскала танкистов. Так началась ее дружба с одним из освободителей Штутгофа, Михаилом Янголенко.

Она уже снова занималась комсомольской работой на своем острове, когда Михаил Янголенко демобилизовался и приехал к ней. Ему все казалось, что исхудалая девушка с яркими, как солнечная морская волна, глазами нуждается в его защите и помощи. Он удивился, застав ее здоровой и крепкой. И потом еще много раз удивлялся, открывая в ней волю, силу, юмор.

Сейчас они живут в Нарве. Мета Виллемовна Янголенко работает председателем горисполкома, Михаил Петрович — начальником высоковольтных электросетей. Сын Костя учится.

До войны Нарва была как архитектурный музей — несколько веков оставили для грядущих поколений свои сувениры: фронтоны, порталы, шпили, дверные молотки. Война не пощадила ни одной из затейливых выдумок эпох. Для тех, кто строит, камни настоящего и будущего так же дороги, как и воспоминания прошлого. Теперешняя Нарва шире, выше и втрое вместительнее старой, она дает стране миллионы метров тканей и миллионы киловатт-часов электроэнергии. Треть города построена до Меты Виллемовны, две трети — при ней. Она любит здесь все: от восстановленной старой ратуши до недавно построенной Прибалтийской ГРЭС, многотрубным кораблем сияющей в зеленом море пригородных лесов.

Строить город — так, чтобы жить в нем было хорошо, заботиться о тысячах его жителей, как о членах своей семьи,— завидная судьба! Но и тревожная — Мета в ответе за всех: за больных и здоровых, за устроенных и мятущихся, за счастливых и несчастных... И сколько нужно для них сил, и никогда у нее нет покоя! Только она и не хочет покоя — отважная женщина с Берега Бурь.

Поглядись в зеркала твоих озер

Два месяца были солнце и ветер и ни капли дождя. Над дорогами висели длинные хвосты пыли, макушки ячменя уже начала подпаливать желтизна. А ребята-горожане, готовясь к выезду, мечтали только о том, как бы удержалась хорошая погода.

Они ехали в автобусах с открытыми окнами, зеленый встречный ветер похлопывал их по щекам, и его крепкие ладони пахли луговыми травами, парным молоком и теплой пылью дорог. Въехали в лес Илли, громкими и хриплыми от пения голосами в один момент распугали его мечтательную тишину. Штаб поставил свои палатки на горе и понатыкал везде пестрые указатели: «В штаб», «В столовую», «К костру». Штаб объявил соревнование: кто быстрее поставит палатку. Четыре девчонки, соседки штабистов, уложили палатку крышей вниз, и, когда начали подымать, получилось бог весть что. Девчонки побежали в штаб — жаловаться на палатку. Весь лагерь хохотал, и девчонки тоже, а когда нахохотались и поставили палатку, девчонки мгновенно слепили лешего из шишек и мха — чтобы был сторож у входа. Вот тут-то и закрапал дождь. Ребята скисли, полезли в палатки, заворчали.

— И как вам только не стыдно! — громыхнул вдогонку начальник штаба.— Как будто с луны свалились и не видят, как земле нужен дождь!

Мильви Ааве схватила свой баян и вылезла из палатки, Хейно Нуума галантно накинул свою черно-зеленую клетчатую куртку на чьи-то озябшие плечики, Харри Тоом выбрал себе в пару самую съежившуюся фигурку, и через минуту все танцевали и пели «Тийну», «Лаурентиуса», «Зайца», и кто-то все выкрикивал в такт музыке: «И пусть рожь растет! И ячмень растет! И картошка растет! И пусть все растет!»

Под мелким дождем они играли в волейбол и соревновались в беге, пили горячий ячменный кофе и ели огромные бутерброды с колбасой. Девичьи городские прически размокли и повисли вдоль щек длинными белыми прядями. Волосы и волглые спортивные куртки сушили у костра. Парни на одном плече таскали сухостойные деревья, костер целый день горел для тех, кто хотел погреться и посушиться, и целый вечер — для тех, кто любит следить за взлетом оранжевых искр. Были у костра разговоры об искусстве и литературе, о том, что значит комсомол для молодежи, и не обошлось, конечно, без стихов о дружбе и любви. Они умывались с камушка и, наклонясь над водой, снова накручивали свои высокие прически. Это был лагерь «Летних дней молодежи», вступивших в совершеннолетие парней и девушек из Тарту: с автобазы, с авторемонтного, с завода рентгеновских аппаратов, со швейной фабрики «Аренг», из промкомбината «Сангар» и с кожевенно-обувного комбината.

Иви Мадиссоо, журналистка из тартуской газеты «Эдази» и дипломантка университета, сидела у синей штабной палатки с блокнотом на коленях и вспоминала: а ведь это у древних охотников и рыболовов заимствовали когда-то хитрые ксендзы обычай посвящать молодых в совершеннолетие. Но бог ты мой, как они его изуродовали! Назвали скучнейшим из всех слов на земле: кон-фир-мация. Заставляли молодежь по три недели слушать катехизис. Напомаженные и елейные, требовали смирения и унижения перед ними. От начала до конца все было лживо насквозь!.. И вот лагерь в лесу Илли. Ничего лучше не придумаешь на смену тому, ставшему в течение веков традицией, ханжеству. Все молодо: природа, добрые мысли, песни. Нынче в Тарту двести человек отпраздновали свое вступление в юность. Говорят, что пятеро каких-то иногородних девчонок конфирмовались в тартуской церкви. Иви Мадиссоо хочет написать им: милые мои, бросьте! Пойте со сверстниками в автобусах, радуйтесь солнцу и дождю, сидите белой ночью у костров в ваших лесах, а наутро поглядитесь в ясные зеркала ваших озер...

Там, за световыми годами

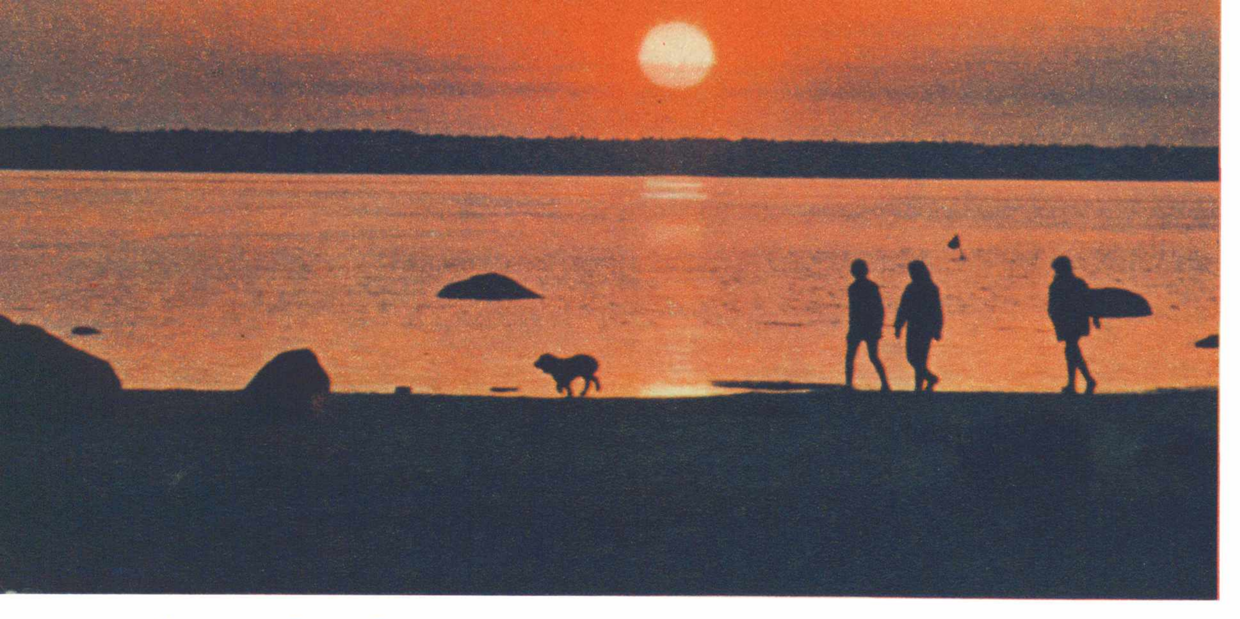
Что мы знаем об облаках, которые собираются в определенное время года в определенных местах и светятся фантастически сиреневым светом? О радиоизлучении Юпитера? О марсианских каналах? О черной бездне, полной угасающих и рождающихся звезд, о вечном кружении миров?

Загадки эти ужасно начали беспокоить Яака Локка после седьмого и особенно после восьмого класса, когда он в школьные каникулы пошел работать в рыболовецкий колхоз: в море здорово воспринимаешь пространства и совершенно перестаешь чувствовать себя пупом земли. Когда снова начались занятия, Яак собрал группу мальчишек и отправился к директору Таллинской обсерватории Чарльзу Виллъману. Обсерватория по старинке ютилась на чердаке над министерством социального обеспечения, для нее только еще

Таллин. Белая ночь.

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Семь башен.

Тишина на Берегу Бурь.

Таллин: пять веков...

...и пять лет.

Между тучами и морем...

Костер совершеннолетия в лесу Илли.

◄ Ульви с острова Хийумаа.

Ветерок.

Выпускник Тартуского университета инженер Таллинского завода ртутных выпрямителей Анатолий Михайликов.

Кто тебя ждет, девушка!

строили новые здания под Тарту, на Горе Ветров, а работы Чарльза Вилльмана по серебристым облакам уже шли на высшем астрономическом уровне.

— Ах, в чем загадка серебристых облаков? — живо переспросил Вилльман.— Вот вы и понаблюдайте да разгадайте!

И он потащил их к телескопу. Ночи наблюдений летели как минуты, облака светились все так же загадочно и серебристо, мгновенного ответа на вопрос пока еще получено не было, и ребята понемногу утратили интерес к астрономии. Только Яак Локк приходил и каждый вечер тщательно записывал все, о чем рассказывало ему небо.

— А знаешь, Яак, обсерватория в Тыравере, на Горе Ветров, готова,— сказал однажды Вилльман.— Мы получаем первоклассное оборудование.

— Да,— грустно вздохнул Яак.

— Двойной телескоп. Ребята даже назвали его Кастор и Поллукс, разрабатывают для него телеуправление. А?

— Хорошо им,— печально сказал Яак.

— Кому: ребятам или телескопам? Там все будет очень современно. Тебя интересуют проблемы, которыми мы будем заниматься в Тыравере? Звездная эволюция и атмосфера звезд, звездная динамика и эволюция галактик, космология, биоактинометрия, верхние слои атмосферы, теория гравитации... Хорошо бы тебе взглянуть на карту звездного неба в представлении древних эстонцев, ее сделала для обсерватории тартуская скульпторша Израэль. И знаешь, из чего? Из двадцати тысяч морских камушков!

— Теперь все,— сказал Яак,— вы уедете, а я теперь все...

— Яак! Там, в Ныо, совсем рядом, есть спецшкола для физиков и математиков. А я давно собирался предложить тебе должность астронома-лаборанта в Тыравере и...

— Это прямо невозможно вынести!— закричал Яак; он схватился руками за голову и шлепнулся на стул.— Это больше, чем я мог мечтать!

Он прокричал еще:

— Я буду как зверь учиться и работать! Помогите мне уговорить маму.

Но Найма Локк давно поняла, что значит для Яака звездное небо и возможность работать с Вилльманом. Она отпустила парня, и он стал жить самостоятельно, научился готовить еду, стирать и убирать комнату. Летом Яак не смог приехать домой на каникулы, потому что надо было наблюдать серебристые облака. Пришлось семье ехать к нему в отпуск.

Нынче Яак закончил спецшколу в Ныо с золотой медалью. Кроме того, он весь год странствовал по световым годам космоса: наблюдал переменные звезды, и с хорошим результатом. Кроме того, в обсерватории он руководил практикой своих соучеников из школы математиков. Кроме того, он готовится поступать нынче в МГУ. Кроме того, летом он опять едет в Вильянди наблюдать серебристые облака, и родители с сестренкой Тиной опять приедут к нему в отпуск. Вот тогда Яак и надеется выкроить время позаниматься с сестрой: смешная, она все время хотела стать художником-модельером, все рисовала платья для кукол, пока не побывала в прошлом году у него в гостях. Теперь она яростный пропагандист астрономии у себя в школе, надо с ней позаниматься: кто знает, может быть, и ее по-настоящему позовут звезды?

Что надо и чего не надо человеку

По зеленям идет трактор в мягких резиновых башмаках и разбрызгивает гербициды; солнце радужно отражается в каждой капле. Справа сизо-зеленая ботва сахарной свеклы, курчавые борозды удивительного гибрида брюква-капуста — осенью будет верных 1 000 центнеров ценнейших кормов с каждого гектара. За ними до самого горизонта опять изумрудные зерновые. А вот слева ничего не видно, потому что слева вздыбившимся морем ходит рожь, и чудится в ее шуме тысячеголосая песня, а может быть, теплые слова благодарности за заботу и труд. Юло Ляэнеметс может точно сказать, в какие сутки на сколько подрастало это поле, и знает: оно вырастет до 220 сантиметров, выше его вытянутых рук, перед тем как начнет наливаться, клониться к земле длинный ершистый колос. Он подсчитал: со всех 386 гектаров осенью будет получено по 40, а если вовремя будут дожди, то и по 42 центнера зерна. Сейчас поле начинает цвести. И почему это люди восхищаются цветением роз и сирени и совсем не замечают этой поразительной красоты, когда на зеленовато-лиловых колосьях ржи начинают появляться мелкие белесо-желтые соцветия? Тут Юло Ляэнеметс вдруг улыбается и признается:

— Вот, черт побери, восемнадцать лет работаю агрономом и все не могу привыкнуть к виду цветущего ржаного поля. Наверное, в душе каждого деревенского человека живет это почтение ко ржи — из-за вкуса и запаха вынутого из печи горячего хлеба. А у нас и ячмень неплох: на опытных делянках получаем по шестьдесят центнеров с гектара...

— Но как же это вы так ухитряетесь собирать в четыре, а то и в пять раз больше, чем соседи?

— Вот так все и приезжают к нам и спрашивают: как же это вы тут в совхозе Ленина ухитряетесь? Может быть, дело в том, что мы раскусили характер весны: ведь ни одна весна не похожа на другую, в каждую весну надо почувствовать ее особую влажность и теплоту, всхожесть зерна и состояние воздуха. А может быть, в том, что мы знаем секрет, чего агроному не надо весной. Надо-то ему ведь тысячу вещей, обо всех и не расскажешь, а вот не надо агроному весной часов, календаря и конторы. На что ему часы, если он с восхода до заката должен быть в поле? Или календарь? Если он хороший агроном, он все равно не будет сеять в неготовую землю, хоть и подошли «календарные сроки». Ну, а что касается конторы — тут все ясно и без слов.

Берег Добрых Людей

Вечно шумят, и спешат, и бегут, не догоняя друг друга, прозрачно-тяжелые волны и гаснут у откосов тонкого белого песка. Вечно пахнет холодноватый ветер водорослями, и йодом, и янтарным соком сосны. И кажется, все меняется: города, и люди, и мысли, и чувства, и дела их, — только неизменно море в своем непрерывном движении. А ведь и оно изменило за четверть века свой характер, это суровое море. Подобрело и оно к людям.

Недалеко от Пярну, в сторону латышской границы, берег называется «Хяядемеесте» — Берег Добрых Людей. А пошло это название с Северной войны, с чумного года. Говорят, что ласковы и добры к пострадавшим от бедствий были люди на этом берегу. А и самим-то добрым людям жилось нелегко и до Северной войны и еще долго после нее. Каждый день из века в век они выходили на единоборство с морем, защищенные только скорлупой лодки, да неверной опорой весла, да собственной продубленной и просоленной кожей. Иногда море впадало в бешенство и требовало жертв, тогда лодки не возвращались к откосам тонкого белого песка... А если все было хорошо, рыбак запрягал коня и вез рыбу на городской рынок, втридешева продавал расчетливым хозяйкам. Под соломенными крышами стояли бедные избы на Берегу Добрых Людей, и в синих глазах рыбачек было больше печали, чем доброты...

...Когда солнце подымается над макушками косых сосен, Лейда Кайне выходит на причал Орайые. Море мурлычет у свай и моет розовые камни защитного мола, и чайки длинными рядами сидят на перилах пирса: тоже ожидают. У горизонта бродят прозрачные туманы, берегут тишину. И вдруг там, в туманах, возникает четечка моторов, нарастает задиристо и летит со всех сторон, похоже, будто само море вот-вот намеренно пуститься в залихватский пляс. Но голос за голосом выходит из этого оркестра, и траулеры, отфыркиваясь от бега, по очереди встают к насосам. Течет и течет по насосам в цеха комбината серебряная салака, и ветер разносит по-над берегом запахи пряностей, маринадов, острого рассола и запах копчения, от которого самому сытому человеку тотчас же хочется есть.

Лейда Кайне, начальница рыбоприемного пункта, в войну разведчица и партизанка, теперь жена бригадира рыбаков и покровительница Берега Добрых Людей, маленькая, худенькая и веселая, летает от насосов в цеха, из цехов в контору и снова к насосам. А когда ее подопечные — высокие, с саженным размахом плечей рыбаки, еще более огромные от соседства с ней и от желтых защитных роб,— когда они уходят с причала, Лейда заглядывает в ведомости бухгалтера и торжествует: сегодня, и завтра, и впредь эти рыбаки будут получать за свой труд столько, сколько не получают никакие другие рыбаки на земле! Как министры. Пусть строят в своих поселках шикарные клубы и покупают автомобили, пусть приглашают к себе столичных артистов и посылают детей учиться в университеты — это ведь справедливо. И пусть будут довольны и счастливы люди на добром берегу, у подобревшего моря.

ВМЕСТЕ С НАМИ

Борис Ромашов был одним из тех, кто стоял у колыбели советской драматургии. Теперь ему исполнилось бы семьдесят лет. Всероссийское театральное общество издало к этой дате книгу «Вместе с вами», состоящую из писем, статей, стихов, стенограмм выступлений, дневниковых записей драматурга. Нельзя не согласиться с составителем книги Александрой Ромашовой, что, «в сущности, — это биографически - документальная повесть о творческом пути актера, режиссера, драматурга, публициста и педагога».

Ромашов всегда себя чувствовал наследником замечательных традиций русской классической драматургии, с высоким гражданским пафосом боролся за них, пропагандировал их везде, где только мог,— со сцены, в публицистических статьях, в аудиториях Литературного института имени Горького.

За несколько лет до кончины драматург записал в своем дневнике, обращаясь в минуты раздумья к Гоголю: «...Надо взять от тебя, Николай Васильевич, благородной страсти к осмеянию всякой мерзости в людях, твой юмор, твой

смех — оружие борьбы за коммунизм, за будущее!.. Помоги мне, учитель и друг!»

Первым произведением юного Бориса Ромашова была сатирическая комедия «Сон гражданина Обухова», не увидевшая света рампы, зато давшая направление всему творчеству драматурга. Вслед за удачным дебютом — пьесой «Федька-Есаул» — последовали «Воздушный пирог» и «Конец Криворыльска», о значительности и живом драматическом темпераменте которых высоко отозвался А. В. Луначарский. А вслед потом еще были «Смена героев» и «Огненный мост», «Бойцы» и «Великая сила», где жизненный драматизм оттенялся сочным, хлестким юмором. В последние годы Ромашов напряженно работал над историко - революционной пьесой «Набат в горах».

Горячо приняли зрители фильм-спектакль «Огненный мост», поставленный по инициативе прекрасного актера и режиссера М. Ф. Романова в последний год жизни драматурга. Ввиду болезни автор написал обращение к телезрителям, заканчивающееся знаменательными словами: «...я нахожусь вместе с вами».

Да, Борис Ромашов, писатель-гражданин, мастер, воспитавший многих молодых драматургов, и сегодня вместе с нами.

Владимир ФЕДОРОВ

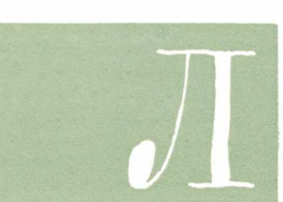
ВМЕСТЕ С ВАМИ. Борис Сергеевич Ромашов. ВТО. Москва. 1964.

Мартти ЛАРНИ

ОБ ЭТОМ ПОМАЛКИВ

Рисунки В. ГОРЯЕВА.

Глава восьмая

Луций-Кастет имел весьма длинный послужной список. Прежде чем стать сыщиком, он поработал и в порту, и корабельным коком, и таможенником, и спортивным репортером, и диктором, и тренером по боксу, и, наконец, вахтером в одном театрике, где показывали стриптиз. Он отличался хорошим воспитанием: всегда, бывало, гасил ногой брошенный окурок, чтобы в ковре не прогорели дырки. Он был женат второй раз, ибо все привык повторять. В жизни ему повезло, его дети ходили в школу. Ходячие мнения служили ему вместо знаний, а хорошо подвешенный язык отлично заменял мысли. Следовательно, он как нельзя более подходил для роли сыщика.

Как только он вошел в мой кабинет, я включил магнитофон. Мне нравилось его произношение.

— Господин министр,— почтительно начал Луций-Кастет, доставая из портфеля начисто переписанный рапорт.— Полагаю, что я продвинулся в расследовании порученного мне дела несколько дальше, нежели мои уважаемые коллеги. Грабители уже находятся в тюрьме и ждут приговора. Остается лишь допросить еще десяток свидетелей, и население нашей свободной страны станет меньше на две головы.

— Когда вы их арестовали?

— Неделю тому назад, господин министр. И если вам будет угодно послушать мой рапорт, я зачитаю хотя бы главные места.

— Прошу вас. Но только самое основное. Значит, вы уверены, что арестовали настоящих виновников?

— Пока еще они все отрицают, но цепь доказательств стягивается туже и туже.

— Отлично, Луций. Я слушаю вас.

Луций-Кастет доложил следующее:

— «В первую неделю работы я велел задерживать всех мужчин, которые несли подозрительные свертки. В числе трех тысяч арестованных нашлись наконец преступники: двое молодых мулатов. Сейчас они находятся в следственной тюрьме. Господин и госпожа Барбатус утверждают, правда, что грабители были белокожие, но они, видимо, не учитывают современной возможности легко отбеливать кожу лица и рук. Лаконийская химическая промышленность делает чудеса, она преодолевает расовую дискриминацию и утверждает равенство. В наши дни каждый цветной предпочитает сойти за белого. Такое предположение придало моему следствию совершенно новый характер. Итак, я стал обращать особое внимание на всех цветных. Избрав эту направляющую нить, я неуклонно шел по ней, пока не достиг цели.

В палинодийском метро мне попались два молодых мулата. У одного под мышкой я заметил узел с вещами, у другого какой-то весьма подозрительный сверток. Задержав их, я доставил негодяев в наше бюро для допроса. Владелец узла по имени Азинус девятнадцати лет от роду, холост. Ловкий парень, очевидно, так как до сих пор еще ни разу не попадался полиции.

— Где вы были пятого августа ровно в полдень?— спросил я его врасплох.

Парень пожал плечами и сослался на плохую память. И вообще он производил очень подозрительное впечатление. Мы проверили узел. Там оказались две мужские сорочки, спортивные тапочки и женский лифчик. Госпожа и господин Барбатус не признали вещи своими, чем, разумеется, несколько затруднили следствие. Но затем мне стала ясна подоплека этого дела: преступник, конечно же, умышленно обменял в толпе и давке свой узел, чтобы таким образом замести следы преступления. Поскольку, однако, можно было допустить, что две сорочки все-таки принадлежали парню, я сконцентрировал внимание на лифчике. Мерзавец стал уверять, будто нашел названный предмет в раздевалке на спортплощадке. Такая поспешная ложь только насмешила следователя. Можете ли вы себе представить, господин министр, чтобы какая-нибудь спортсменка забыла или обронила столь важную часть своего туалета в раздевалке? Нет. Следовательно, тут имело место преступление. Я был уже почти уверен, что парень умертвил какую-то белую женщину, а чтобы скрыть злодеяние, спрятал лифчик жертвы в своем грязном белье.

— Я никому не сделал зла,— плакал преступник, размазывая слезы по щекам.

— Может быть, ты совершил убийство в состоянии временного умопомешательства?— спросил я.

— Убийство? Какое убийство?

Он прикидывался, будто ничего не знает, как самый закоренелый преступник.

— Чей это лифчик?— спросил я резко.

— Я не знаю...

— Значит, ты не хочешь назвать ее имя?

— Я ее не знаю...

— Так. Стало быть, неизвестная женщина. Когда произошло убийство?

— Какое убийство?

Тогда я взял кастет и дал ему некоторое представление о неприятных сторонах допроса третьей степени. И парень признался.

— Это лифчик Фамы... Мы просто дурачились...

— Фамы? Куда вы спрятали труп?

— Она ушла со спортплощадки раньше меня. Мы с нею живем на одной улице...

Фама тоже мулатка, так что у меня сразу пропал интерес ко всей этой истории. Но затем появилась новая направляющая нить. Фама заявила, что она никогда не носила лифчиков. Значит, кто-то все-таки убит. Но кто? Мы проверили картотеку: шестнадцать нерасследованных убийств молодых женщин. Мы пригласили родственников убитых опознать лифчик. Одиннадцать человек опознали. Я был в восторге. Очевидно, задержанный Азинус совершил массовое убийство. Первую душу загубил он двенадцать лет тому назад. Тогда ему было, правда, лишь семь лет, но если человек родился убийцей, он очень рано проявляет свой инстинкт.

Итак, я имел уже достаточно доказательств виновности Азинуса. Во-первых, он

Продолжение. См. «Огонек» №№ 27—29.

РАЗОБЛАЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАНИЯ ПРОСТОДУШНОГО

Роман-памфлет

АЮТ

не ответил, где находился пятого августа; во-вторых, у него дома при обыске нашли красный шарф; в-третьих, на допросе он сначала не знал, кому принадлежит лифчик, а затем, поставленный в тупик, сбивчиво признал, что украл эту часть туалета у Фамы, якобы «дурачась»; в-четвертых, одиннадцать несчастных матерей заявили под присягой, что лифчик принадлежал их зверски убитым дочерям; и, в-пятых, на лифчике обнаружены отпечатки пальцев Азинуса.

Два дня спустя дело приняло неожиданный оборот. Азинус повесился в своей камере. Сперва мы поверили в самоубийство, но потом подозрение пало на сидевшего в той же камере мулата. Имя последнего Катуволькус; возраст — двадцать лет; судим за кражу собак.

Виновность Катуволькуса в убийстве Азинуса можно считать почти доказанной. Его показания страшно сбивчивы и противоречивы, хотя он по-прежнему все отрицает. Но у нас имеются веские улики. На подтяжках Азинуса найдены отпечатки пальцев Катуволькуса. Стало быть, можно предположить с большой степенью достоверности, что он задушил Азинуса, когда тот спал; затем повесил труп на ручке двери, сам же лег и преспокойно заснул. Каковы мотивы столь зверского убийства? Я полагаю, что Азинус и Катуволькус были соучастниками преступления, хотя и отрицали свое знакомство. Катуволькус боялся, что Азинус признается во всем и выдаст его. Поэтому Катуволькус решил от него избавиться. Когда ему показали отобранный у Азинуса бюстгальтер, он дотронулся до вещи и закатил глаза. Это несомненный признак врожденной склонности к убийствам на сексуальной почве. И вообще, не ясно ли, что человек, унизившийся до кражи соседской собаки, не остановится и перед убийством? Вот почему было бы наиболее разумным приговорить Катуволькуса к смертной казни как извращенную личность, опасную для общества.

Что касается другого арестованного, который бережно содержится в одиночной камере, то, по-моему, с ним все ясно, и едва ли нужны дальнейшие допросы. Тит Проциллус, студент, восемнадцати лет. Непомерно гордый и невоздержанный на язык. В подозрительном свертке, отобранном у него, оказался автомат. Игрушечный автомат, из тех, что продаются свободно во всех универсальных магазинах и в школьных киосках. Арестованный уверял, что игрушечный автомат он купил своему младшему брату в подарок ко дню рождения. Проверка показала, что это лишь предлог. Правда, у него есть младший брат — одиннадцатилетний школьник, которому вряд ли доставит радость игрушечный автомат из пластмассы: у мальчишки уже давно есть настоящий револьвер с барабаном, маленькая винтовка, сотни две патронов, несколько ручных гранат и куча разной взрывчатки.

Хотя со складов армии, флота, полиции и крупнейших гангстерских корпораций за последний год исчезло около сотни настоящих автоматов, я все же убежден, что лица, ограбившие ювелирный магазин Барбатуса, воспользовались именно таким игрушечным автоматом. Мне это подсказывает моя интуиция. Я распорядился провести проверку игрушечных и универсальных магазинов. Дело, конечно, очень осложнилось, но зато мои люди обнаружили незаконные махинации с ценами, пересортицу и арестовали несколько нечестных торговцев. Во всяком случае, я убежден, что Тит Проциллус повинен в тяжких преступлениях. Мою уверенность особенно укрепило его наглое и даже высокомерное поведение на допросах. Например, когда его спросили, для чего ему нужен игрушечный автомат, он ответил с ухмылкой:

— Для охоты на женщин...

— Вы заставили госпожу Барбатус раздеться? — спросил следователь.

Арестованный рассмеялся.

— Нынче женщин заставлять не приходится.

— Куда вы спрятали бриллианты? — продолжал следователь.

— Бриллианты? — растерянно переспросил Тит Проциллус, но тут же ответил с издевкой: — Я раздарил их моим любовницам...

Стало быть, он признался. Секретарь записал в протоколе допроса:

«Тит Проциллус, студент, восемнадцати лет, неженатый, показал на допросе, что госпожа Барбатус разделась добровольно. Обвиняемый забыл все, что прежде помнил. Господина Барбатуса не встречал. Бриллианты раздарил своим любовницам, имена которых уже забыл. Обвиняемый подтверждает протокол допроса своей подписью...»

Мы устроили ему перекрестный допрос: кто был его соучастником? Обвиняемый отвечал опять-таки высокомерно:

— Мои дела с женщинами я улаживаю без посторонней помощи!

— А это вы видали? — спросил следователь, вынув из ящика стола бюстгальтер, отобранный у Азинуса.

Тит Проциллус едва взглянул на лифчик и ухмыльнулся:

— Надо полагать! Не такой уж я мальчишка.

Это очень важное признание. Пусть присяжные решают, виновен Тит Проциллус или не виновен. По мнению полиции, он опасный преступник, аморальный и патологически бесчувственный. Он обвиняется в грабеже, подкупе и обмане представителей власти и в убийстве по крайней мере одной неизвестной женщины. Мне думается, уже можно сообщить в газеты, что ограбление ювелирного магазина раскрыто. Но прежде мы должны представить нашему клиенту счет на тридцать тысяч долларов. Ради искоренения преступности никаких денег не жалко. Все сказанное я клятвенно подтверждаю и заверяю моей полицейской честью и совестью. Мною руководит лишь одна цель — говорить правду и только правду на благо отчизны, во имя закона и справедливости».

Глава девятая

Прошло более трех месяцев с того дня, как господина и госпожу Барбатус ограбили, а преступники были все еще на свободе. Сыщики жаловались на злую судьбу: арестованные либо кончали самоубийством,

либо их линчевали. Временами казалось, что они уже получили сполна за свое преступление. Господин Барбатус становился все нетерпеливее. Он не понимал простой вещи: сыщик никогда не может идти впереди событий, он должен идти по следам; а следов в Лаконии всегда достаточно.

Генеральный директор Капра Гиркус, банкирскую контору которого мои детективы навестили в ночное время, так рассердился на блюстителей порядка и справедливости, что вышел из нашей партии и записался в рептилии. Это досадная потеря, ибо он был видным активистом. В один прекрасный день ренегат явился ко мне на прием.

— Не правда ли, Лакония — справедливое государство? — спросил он тоном осуждения.

— Конечно, — коротко ответил я, разглядывая маленького, кругленького господина, сочная верхняя губа которого лишь частично прикрывала широкие передние зубы.

— В таком случае я требую справедливости, — продолжал он. — Кто дал право сыщикам производить незаконные обыски?

— Незаконные?

— Да. Ведь государственные сыщики бастуют, однако же их право на забастовку не уважается. Преступления расследуются силами штрейкбрехеров. Разве это правильно?

— Господин генеральный директор, — сказал я спокойно, — как высший блюститель законности в нашей стране я должен ответить вам: да, безопасность граждан должна обеспечиваться также и во время забастовок. Ограбление магазина Барбатуса необходимо расследовать, хотя государственные сыщики и бастуют.

Генеральный директор Гиркус одобрительно кивнул головой, круглой, точно глобус, снял очки и вытер потную лысину. С небольшими оговорками он согласился, что следствие по делу об ограблении ювелирного магазина можно вести силами штрейкбрехеров, но он решительно возмущался вторжением последних в его личную жизнь. Он обвинял сыщиков также в покушении на частную собственность. Марк-Дубинка и Путориус конфисковали печать и чернильную подушечку банкирской конторы. Но, что самое главное, они нарушили ночной рабочий покой банкира.

— И именно в тот момент, когда я диктовал важнейшее деловое письмо! — воскликнул господин Гиркус. — А сегодня эти негодяи задержали моего личного секретаря для каких-то дополнительных допросов. Маммилла чувствительная женщина, и страх перед полицией может заставить ее наговорить бог знает что.

— Я распоряжусь, чтобы ее немедленно отпустили, — сказал я сочувственно. — Значит, вы уверены, что она непричастна к ограблению магазина?

Господин Гиркус, казалось, был приятно удивлен.

— Разве речь идет об этом?

— А о чем же еще?

Потирая пухлые руки, толстяк банкир воскликнул с чувством огромного облегчения:

— Ну, в таком случае все хорошо! А я-то думал, что вы хотите обвинить меня...

— Обвинить вас?

— Ну да...

— В чем же?

Господин Гиркус мог бы, наверно, покраснеть, но он приучил свою совесть помалкивать, и она больше не мешала ему наслаждаться жизнью.

— Ну, мало ли причин можно найти при желании, — ответил он уклончиво. — Да за неимением другой вины, хотя бы в супружеской неверности. Слава богу, что вас интересует только ограбление ювелирного магазина.

Генеральный директор Капра Гиркус тут же решил опять вернуться в нашу партию. Он уж думал было завести себе вместо секретарши диктофон, чтобы внимание не раздваивалось между текстом и коленками Маммиллы. Но теперь все может остаться по-прежнему. Перед уходом он с недоумением рассказал о необычной настойчивости сыщиков: они во что бы то ни стало хотели знать, платит ли он Маммилле сверхурочные, согласно трудовому соглашению. Мне это тоже показалось странным, и я даже повысил голос. Вообще ведь гораздо легче повышать голос, чем зарплату.

Итак, я спас для нашей партии активного члена с весьма внушительной суммой членских взносов. Капра Гиркус был из тех людей, чья первая любовь не выдержала испытаний брака. Маммилла же, насколько можно доверять донесениям сыщиков, вполне достойна хотя бы одной аудиенции.

Капра Гиркус вышел из министерства в приподнятом настроении. Он с удивительной легкостью вскочил в машину и помчался мимо знака «Проезд закрыт». Он развил такую бешеную скорость, словно торопился в ад. И через минуту он туда попал. Покойник был 1901 года рождения. Расследование дела об ограблении ювелирного магазина Барбатуса потребовало восемь человеческих жертв. Но следствие продолжалось с неослабевающим рвением.

Бывали минуты, когда мне хотелось спрятаться, уйти под колпак собственного «я». Открытое признание очищает душу, но зато пачкает репутацию. Однако наедине с собой я признавал, что если к нолю прибавить ноль, в сумме по-прежнему будет ноль. Сколько я ни оглядывался по сторонам, я не видел ни в ком из своих ближних и признаков биологического прогресса. Мой цинизм не выражал отношения к жизни, а был лишь защитным приспособлением. Ведь я не виноват, что теперь большинство людей находится в тупике, в каком-то слепом отростке, которому постоянно грозит гангрена. Все говорят о свободе и справедливости, однако определяют их по-разному. Судебный процесс крайне редко дает ответ на вопрос: что есть справедливость? Биологическое понятие справедливости похоже часто лишь на зародышевую плазму.

Занимаясь самонаблюдением, я видел свой неведомый миру облик. Я уподобился швее, которая смотрит на вещи с изнанки. Я любил врага своего лишь после того, как его сердце переставало биться. Я не жалел ближнего своего, будучи в душе убежден, что эволюционное учение Дарвина следует понимать в обратном смысле: обезьяны происходят от человека.

Я знал, что многие завидовали мне. Или, может быть, роли, которую я играл так убедительно. Чтобы производить впечатление неутомимого труженика, я заставлял других работать, делать глупости, искать. Это льстило моему тщеславию, доставляло маленькое садистское наслаждение. Я следовал примеру Руссо, который очень умно рассуждал о воспитании, но своих детей отдал в сиротский приют. У меня, насколько мне известно, детей нет. В сомнительных случаях я всегда старался рассеять сомнения путем последующей проверки. Заботясь о детях, я старался, чтобы их не было. Такое чувство ответственности, по-моему, уже доказывает величие души. Великие мужи остаются холостыми, а великие женщины завещают грядущему веку свои имена, но не оставляют потомства. Поэтому величие души не наследственное, а скорее благоприобретенное свойство, оно чаще всего вырабатывается условиями жизни и воспитанием.

Напрасно я здесь пытаюсь набросать хотя бы в общих чертах свой портрет. Он все равно останется неизвестным. Истории достаются лишь имена святых и негодяев, нормальные же люди запоминаются редко. А славная история Лаконии — это весьма обширный перечень человеческого зла, коварства, подлости и лжи, вывернутой наизнанку. История показывает нам, что мы никогда не помним уроков истории. В 1873 году в нашей стране было совершено около шестисот судебных убийств. В 1958-м оборот значительно возрос. Сложилась благоприятная конъюнктура. Ограбление ювелирного магазина Барбатуса. Забастовка государственных сыщиков.

Тут мне могут заметить: описывай, не пускайся в долгие рассуждения! Прошу чуточку терпения, друзья мои! Я привык описывать, рассуждая. Ведь я адвокат и следователь, а не художник слова. У каждого человека есть своя «душа», но лишь немногие догадываются об этом. Моя «душа» разделилась надвое. Одну половину вы уже знаете, а вторая пока еще остается за кулисами. «Душа» министра полиции говорит официальным языком Лаконии, который всем понятен. Этот язык приспособлен для любых обстоятельств и всегда тактичен. (Правда, наша тактичность есть лишь социальная ложь, но попробуйте-ка отвергнуть ее! Даже попытка будет преступлением.)

Если я позаимствую абзац из чужого произведения, меня обвинят в плагиате: но если я возьму ряд отрывков из нескольких произведений, то мой труд назовут исследованием, и я могу даже заслужить признание. Однако, несмотря ни на что, я использую здесь слово в слово рапорт Фабия-Скорострела, представленный мне в тот самый день, когда Капра Гиркус, как говорится, от полноты жизни ринулся вместе с роскошной машиной в пасть смерти.

Фабий-Скорострел никогда не пользовался оружием легкомысленно. Он был отставной армейский офицер и чемпион Лаконии по стрельбе из пистолета. Лишь немногие знали, что он работал сыщиком. Поэтому Фабий мог свободно вращаться в высшем обществе, его всюду принимали как знаменитого и прославленного чемпиона, обходительного и галантного светского человека. Говорил он блестяще, но писал скверно. Вот так:

«Назад тому три месяца я начал обследовать рекламные бюро, учитывая возможность того, что бывший министр Гней Барбатус нарочно подстроил ограбление ради рекламы, вроде того как сделал в свое время модный певец Ламиенус, который сам себя похитил, когда увидел, что его пластинки больше не пользуются спросом. У меня были даже две направляющие нити, и они обе пригодились. Я напал на след группы преступников, которые напечатали туманные объявления. Выяснилось, что они поставляли девочек охочим до того мужчинам. Мы втроем зашли в их заведение, и мерзавцы, считая нас клиентами, предложили на выбор полдюжины девиц в довольно-таки открытых платьях, и у каждой на шее висел ярлычок с ценой. Девицы строили глазки, но мы ведь были на службе, и мне пришлось показать этим господам мой значок. Тут же мы вынули для убедительности пистолеты, и хозяева, зная, что я стреляю без промаха, не оказали сопротивления. Но девки подняли крик и стали осыпать нас ужасной бранью. Одна из них была настолько страшна, что, наверное, и по сей день сохранила невинность даже в этом доме разврата. Она походила на ворону, которая и плачет-то каркая. Мы взяли всех и повели на допрос. И платья девиц держались не на крючках, а только на нашей строгости. Трех мужчин мы отправили в камеру, а девиц после короткого допроса выпустили на улицу. Затем босс допрашивал, а я писал протокол. Босс спросил, кто из них руководитель заведения под названием «Цветок любви», и мы выяснили, что это тот самый Микротус, который год назад вышел из тюрьмы. Помните, он получил срок за избиение подслеповатой Лутры, которая потом сама наложила на себя руки. А два других молодчика служили у Микротуса на процентной оплате. Одного зовут Гуло, а другого Лагопус. Теперь все трое ждут суда. Они пока еще не признались в совершении ограбления, хотя у них при обыске найдена вырезанная из газеты фотография госпожи Барбатус, одетой весьма пикантно, и эта фотография, по мнению босса, является тем аргументом, который будет делать чудеса в руках общественного обвинителя. Микротус уверяет, что видел Ламеллу лишь на картинках, но ему недостает алиби. И к тому же у него дома найден светлый плащ и два красных шарфа. Один цвета красного вина, а другой цвета гвоздики. Итак, полиция выдвигает следующую теорию. Грабителей было трое. Двое из них вошли в магазин, а третий сторожил на ули-

це. Конечно, их можно обвинить и в профессиональном сводничестве, и тогда они отделаются штрафом. Но за ограбление можно смело дать смертный приговор.

Вторая направляющая нить привела меня к цели - вчера на балу в отеле Дульце, где деньги выступали во всем своем блеске. Я ухаживал за женщинами, на которых видел бриллиантовые украшения. Я танцевал с ними, присматривался к их драгоценностям и восхищенно говорил: «Ах, какой прекрасный бриллиант».— и только одна дама сказала, что камень поддельный, а все другие говорили, что да, и он стоит безумные деньги, и я получила его в подарок, и тому подобное. Затем я пригласил на танец одну даму, на шее которой сверкало знаменитое бриллиантовое колье Якхос. В самом деле ослепительной красоты. Говорит, получила его в подарок на день рождения. Я отвел ее в сторонку, любовался ее бриллиантами, целовал в губы и наконец попросил разрешения осмотреть колье. Но тут вдруг откуда ни возьмись появляется бывший сыщик Фога, тычет мне в бок дулом пистолета и тихо шепчет: «Убери прочь лапы, Фабий, и живо отчаливай, потому что я нанялся охранять даму и отвечаю за ее неприкосновенность». Оказалось, что дама — жена премьер-министра и что я рискую здорово погореть. Но я все же не растерялся и арестовал бывшего начальника тайной полиции вместе с его женой, отправил их на допрос и дал ордер на обыск в их доме. Они, видите ли, критиковали нынешнее правительство чуть ли не в полный голос и высказывали нелаконийские идеи, а к тому же жена носит перстень, какого не купишь на доходы бывшего начальника полиции. В особенности, если известно, что он долгое время был на грани банкротства, и никак не мог встать на ноги, и даже продал недавно свою машину. Конечно, он уверяет, что купил перстень у какого-то неизвестного моряка, заплатив за него двадцать долларов, и что камень ненастоящий. Однако специалисты находят, что камень настоящий. И хотя господин и госпожа Барбатус не опознали камень, все же он вполне может быть украден из их магазина. Теперь у меня возникла собственная теория, которую до сих пор никому не удалось опровергнуть. Вот она. Испытывая финансовые затруднения, бывший начальник тайной полиции при поддержке своей жены осуществил ограбление магазина Барбатуса. Его жена часто разгуливает в мужской одежде, и, стало быть, совершенно ясно, что она и грабила, переодевшись мужчиной. В пользу данного предположения говорит еще и тот факт, что в шкафу преступницы найден светлый плащ, а в шкафу ее мужа — по крайней мере три красных шарфа. А в рабочем столе мужа оказалась откупоренная бутылка штемпельной краски, но печати не нашлось. Следовательно, он уничтожил печать, дабы запутать следствие. Итак, преступление раскрыто уже дважды, и можно сегодня же предать суду тех трех сводников — Микротуса и Гуло с Лагопусом, из коих руководителем является Микротус, а также бывшего начальника тайной полиции с женой. Счет я представлю через несколько дней, когда приведу в порядок мои квитанции. Все вышеизложенное я клятвенно подтверждаю и заверяю моей полицейской честью и совестью, и у меня лишь одна задача — говорить правду и только правду на благо отчизны и народа».

Рапорт Фабия произвел на меня гнетущее впечатление. Я поспешил принести премьер-министру мои покорнейшие извинения и в тот же день дал Фабию окончательный расчет. Его считали сладкоречивым обольстителем, а он оказался просто болтуном. Мозг его действует с необычайной быстротой и находчивостью, за исключением тех случаев, когда необходимо думать.

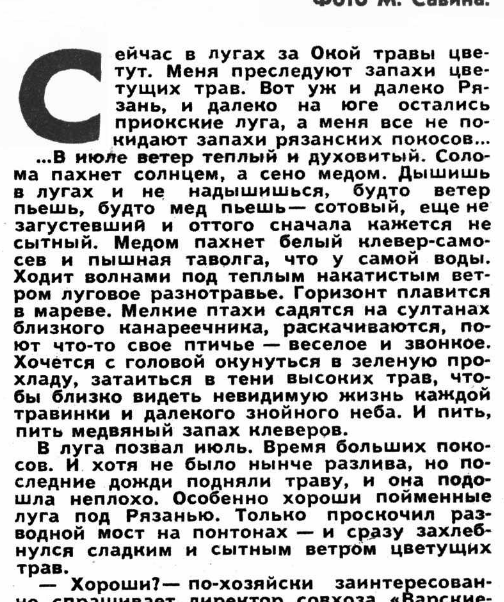
Через два дня число арестованных снова уменьшилось. Когда торговцев живым товаром переводили из здания полиции в тюрьму для подследственных, какой-то молодой человек в воротах тюрьмы двумя выстрелами убил наповал Микротуса и Гуло.

Происшествие было заснято на кинопленку, так что стрелявший — ресторанный вышибала Луций Акантия — не мог отрицать своей вины. На допросе в полиции он показал, что стрелял в состоянии временного умопомрачения. Пресса раздула сенсационную новость, оповестив весь мир, что лица, ограбившие магазин Барбатуса, понесли заслуженное наказание. Три десятка знаменитых адвокатов заявили о своей готовности быть защитниками Луция Акантии. Многие из них брались вести дело безвозмездно. Они ручались, что докажут невиновность Луция. Как показало вскрытие, пуля попала Микротусу в затылок, а Гуло — в грудь. Выстрелы были произведены с разных направлений. Заснятый кинорепортерами фильм нельзя считать убедительным документом, ибо, как выяснилось, фильм снят кинокамерой иностранного производства. Следовательно, и стрелять могли тайные агенты иностранной державы. Все подозрения падали на Куропотамию, с которой правительство Лаконии разорвало дипломатические отношения. В Лаконии было объявлено чрезвычайное положение. Армия и флот срочно провели внеочередные маневры. Люди стали запасаться продовольствием, и покупательная способность лаконийского доллара стремительно падала вниз. По причине инфляции в церквах собирали с молящихся деньги по два раза. Многие думали, что на них нашло религиозное прозрение, хотя на самом деле это был панический страх. В такой обстановке я чувствовал себя никому не нужным.

Продолжение следует.

В ЛУГАХ, ЗА ОК

Июль позвал в луга.

Николай БЫКОВ

Фото М. Савина.

Сейчас в лугах за Окой травы цветут. Меня преследуют запахи цветущих трав. Вот уж и далеко Рязань, и далеко на юге остались приокские луга, а меня все не покидают запахи рязанских покосов...

...В июле ветер теплый и духовитый. Солома пахнет солнцем, а сено медом. Дышишь в лугах и не надышишься, будто ветер пьешь, будто мед пьешь — сотовый, еще не загустевший и оттого сначала кажется не сытный. Медом пахнет белый клевер-самосев и пышная таволга, что у самой воды. Ходит волнами под теплым накатистым ветром луговое разнотравье. Горизонт плавится в мареве. Мелкие птахи садятся на султанах близкого канареечника, раскачиваются, поют что-то свое птичье — веселое и звонкое. Хочется с головой окунуться в зеленую прохладу, затаиться в тени высоких трав, чтобы близко видеть невидимую жизнь каждой травинки и далекого знойного неба. И пить, пить медвяный запах клеверов.

В луга позвал июль. Время больших покосов. И хотя не было нынче разлива, но последние дожди подняли траву, и она подошла неплохо. Особенно хороши пойменные луга под Рязанью. Только проскочил разводной мост на понтонах — и сразу захлебнулся сладким и сытным ветром цветущих трав.

— Хороши?— по-хозяйски заинтересованно спрашивает директор совхоза «Варские-Шумашь» Иван Павлович Сыресин.

— Так ведь пойма!

— Э, нет, не потому. Пойма пойме — рознь,— улыбается хитро Иван Павлович.— Года два назад здесь вот три мужика всю траву за день скосили и на одной лошади увезли. Так-то!..

Иван Павлович—директор опытный, старый тимирязевец. Он с откровенностью победителя рассказал, как люди совхоза преобразовали пойму в этом месте. Собственно, травы эти, как я понял, подпольные, а точнее — вышедшие из подполья. В последние годы не в моде было заботиться о пастбищах, о лугах, вообще о травах, взятых в полон кочкарниками, кустарниками, да и не только ими.

— Вот здесь оставались щучка да осока.— Иван Павлович показал на мощный сеяный луг в полсотни гектаров.— Ну, мы и распахали убогонькую луговину. Нелегко, конечно, было: обвиняли, что пойму сгубили, и в прочих прегрешениях. А только мы ее жалели, пойму, уберегали!..

Мы стояли в высоких — по грудь — травах. Тимофеевка, костер безостый. Там и тут купы белого клевера. Тонны по четыре с гектара возьмет здесь совхоз. И это в такой редкий год, когда не было разлива. Сейчас важно лучшие участки оставить под семенниками. Семена трав повывели и на Оке, и на Дону, и в прочих местах. Поэтому главная мысль всех хозяев — как можно больше собрать нынче семян злаковых и бобовых трав, как можно скорее расширить под ними площади.

Возвращаясь к перевозу, мы ехали вдоль стройных рядков светло-зеленой кукурузы и, естественно, заговорили о ней. Кукуруза по пласту дает хороший урожай зеленой массы с нежными початками, только сеять ее надо в меру, так, чтобы по силам были и уход и уборка. После кукурузы пойму залужат, как и на том участке, что мы смотрели, тимофеевкой и костром. Постепенно возвращаются к жизни еще недавно заброшенные приокские луга. Так же умно заботятся о пойме в совхозах «Шиловский», «Пролетарский», в колхозе «Новая жизнь», Шиловского района. В совхозах «Варские-Шумашь» и «Борки» наладили уход и за пастбищами, там организовали загонную пастьбу. Преимущества? Расход пастбища уменьшился вдвое, а удои поднялись. Траву в загонке скармливают из-под ноги, до основания, потом скот перегоняют в соседнюю клетку, а здесь все оставшееся бодылье, то есть всю несъедобную траву скашивают, чтобы впредь она не осеменялась, а загонку поливают раствором аммиачной селитры, и отава быстро отрастает.

— За пастбищем уход, как за клиентом в парикмахерской,— сравнил директор совхоза «Борки» Вениамин Григорьевич Грешнихин.— Подстригут механизаторы и подеколонят!..

— Дорого?

— Да нет, затраты составляют не больше двух рублей в год на корову, зато она даст!.. Беда в другом—мало нужной техники. У нас всего-то одна тракторная бочка — и для подкормки пастбища и чтобы барду возить. Пришлось самим мудрить.

Мудрить... Мудрить хорошо, когда в хозяйстве есть такие умельцы, как механик Иван Никищев и главный инженер Виктор Якушин. Тогда и за пастбищем уход, как за клиентом в парикмахерской...

За Окой, рассказывают, луга никогда не косили вручную: уж больно они велики, да и травы всегда были подходяще густые — литовкой не прорежешь. Траву валили конными косилками. Сейчас валят тракторными — в сцепе ходят три сразу. Машины заменяют лошадей и людей, потому что это выгоднее...

Был полдень, жаркий, сухой. Сметав до обеда несколько душистых стогов, люди поели — не жадно, но усидчиво,— попили чаю с костра, заваренного на листьях шиповника, которого здесь пропасть. Ребятишки побросали лошадей и убежали купаться. Женщины сели поодаль, в тенистых талах. Мужики полегли под стожками. Сон сморил. Резко, до одури пряно пахла хорошо высохшая трава, щекотало в ноздрях, дышалось легко и сладко. Народу на покос вышло много. Так мне показалось, и так я сказал.

— Разве это много?— отозвался кто-то сонно.— До войны, вот это много было! Больше двадцати бригад жителей и ни одной, считай, доброй машины. В луга с ночевкой ездили, шалашные города ставили, а теперь автомобиль подают, чтобы бабы домой к дойке поспели... После войны-то осталось двенадцать бригад, потом шесть, а теперь в четыре народ-от слили... Зато стога кладут стогометатели, и копны тракторными волокушами таскаем, а уж возить на лошадях сено возим, чтобы безработных в колхозе не было.

Под стогом засмеялись, завозились. И верно, надо ж и лошадям какую ни то работу оставить. Хотя бы ради тех же ребятишек, которые боятся раннее июльское утро проспать, пулей, не умывшись, едва глотнув молока, летят на колхозную конюшню, чтобы получить лошадь. Случаются и драки. Захомутают, кому посчастливилось,— и в луга! Здесь они впрегон подтаскивают копешки к растущим скирдам. Поглядеть на счастливые потные рожицы, так никак не подумаешь, что травокос и сеноуборка—дело трудное.

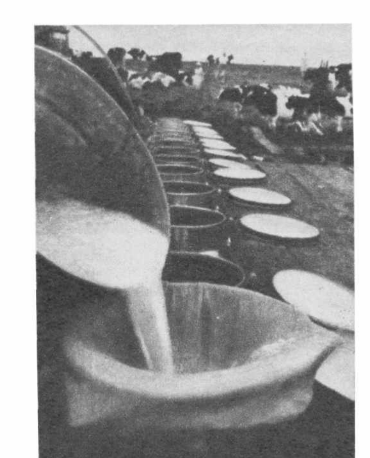
Я видел на лугах за Окой чудесные тракторные грабли, которые называются валковыми, они заменяют сотню человек! И видел женщин с беленькими, к покосу лаженными граблями. Они, как у Майкова в стихах, ходили рядами. Женщины были в белых платочках, в белых просторных кофточках и в белых передничках. У многих белые онучки и спортивные тапочки, даже кеды видел, а у многих новенькие, легонькие лапоточки.

— Чего глядишь? Как есть музейные! Самая для покоса удобная обувь. Легко ходить и не колко! Ну, чего глядишь?

Конечно, удивительно, только что ж, в луга на шпильках не пойдешь, разве людей смешить...

Хорошо в лугах в июле. Утром туман бел и невесом. Он медленно сползает к мокрому, холодному тальнику, оставляя на темных волнах прибрежных трав белые барашки цветущей таволги. Туман стекает рекой. Эта река с восходом солнца мелеет, и тогда все выше поднимаются из нее серебристые в росе холмики душистых копен и стожков. А полдень в лугах настоян на смешанных запахах луговой клубники и солнцем прихваченной земляники. Звенят ножи косилок, звенят в зените птахи, звенит полуденный зной. И только после захода опускается на теплую землю синяя прохлада. Загораются костры на покосе, бакены на Оке, звезды в небе. И еще сильнее пахнут травы — и чуть привядшие, и те, что уже высохли, и те, что еще стоят до поры темной стеной, цветут яростно и многоцветно. Они бесшумно качаются в ночной тиши, и оттого рождается в лугах ветер. Ветер теплый и пахнет медом. Ветер с покоса.

Чтобы воздух был чист

Производственная пыль, дымы — настоящий бич для населения промышленных городов. Они не только сильно загрязняют воздух, но и уносят ценнейшее сырье. Одни только отработанные газы домен и мартенов ежегодно выбрасывают в атмосферу в виде пыли столько металла, что из него можно сделать несколько тысяч тракторов, жаток и других машин.

Как прекратить загрязнение воздуха, как не допустить потерь ценного сырья? Придумано много средств. Мы знаем гравитационные и центробежные уловители пыли, тканевые и электрические фильтры. Каждый из них задерживает какую-то часть металлических твердых частиц, но в целом проблема не решена.

Молодой ученый, сотрудник Крымского института минеральных ресурсов Юрий Измоденов изобрел фильтр, основанный на использовании магнитных свойств пыли.

Известно, что если намагничивается пыль или дым, то мельчайшие частицы твердого вещества укрупняются, образуя так называемую бороду, или магнитную ткань. В этой «бороде» может оседать и немагнитная пыль — угольная или цементная. Таким образом, сама пыль становится уловителем пыли. Использовав это явление, Юрий Алексеевич Измоденов и сконструировал свой магнитный фильтр. Он может быть применен для очистки сильно загрязненных промышленных газов, горячих и влажных, при сухом и мокром способах пылеулавливания.

Д. Прикордонный, собкор «Огонька»

Ультразвук дробит вещество

Для того, чтобы исследовать вещество под электронным микроскопом, его прежде всего необходимо раздробить. Делали это до сих пор с помощью обычной ступки. Процедура кропотливая и не всегда эффективная.

Недавно в конструкторском бюро ультразвука на Сумском заводе электронных микроскопов создали оригинальный ультразвуковой прибор. Теперь не нужно растирать в ступке исследуемое вещество. Достаточно поместить его в специальную ванночку, нажать на кнопку — и ультразвук не только мгновенно раздробит вещество до мельчайших частиц, но и нанесет их на пленку, которую просвечивают потом электронным лучом.

Прибор, оживляющий сердце

Все большее признание у врачей и ученых-исследователей завоевывают радиоэлектронные приборы, аппараты с радиоактивными изотопами. Многими такими новинками мы обязаны Львовскому заводу медицинского оборудования. Вот один из них — импульсный дефибрилятор.

В медицинской практике бывают случаи, когда остановившееся сердце вновь начинает биться. Это результат многих сложных процедур, направленных к оживлению организма. В наше время методы такого стимулирования требуют постоянного усовершенствования.

Новый радиоэлектронный прибор — импульсный дефибрилятор — позволяет с помощью специальных электродов мгновенно пропускать через сердце (за 0,01 секунды) импульс тока силой в 40 ампер. Сердце возвращается к нормальной деятельности.

Новый аппарат можно применять и тогда, когда человек просто болеет, и во время операций, когда грудная клетка открыта.

Медовые муравьи

В Южной Европе, на берегу Средиземного моря, живут медовые муравьи. Приблизительно 2—4 процента обитателей каждого муравейника — это работницы, выполняющие довольно необычные функции. Они служат сосудами, в которых сохраняется мед.

Каждая муравьиха содержит около 10 миллиграммов меда. Этого достаточно, чтобы прокормить сотню муравьев в течение месяца.

Интересно, что даже во время засух, когда высыхают цветы, мед в живых сосудах—муравьях — остается абсолютно свежим.

Штампует электромагнит

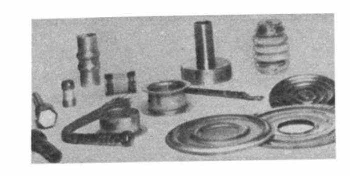
В этом цехе вы не услышите характерных для штамповки ударов. Детали штампуют с помощью электромагнита.

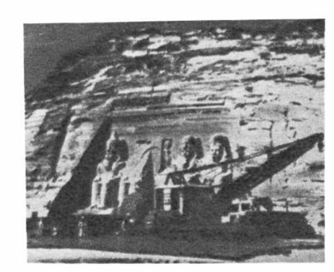
Внутри металлического шкафа находятся батарея конденсаторов, автотрансформаторы, выпрямитель, вакуумный разрядник. А на передней стенке шкафа закреплен индуктор, представляющий собой катушку с обмоткой. В отверстие катушки закладывается деталь, насаженная на матрицу. Теперь надо нажать кнопку пульта управления. И с разрядника на катушку начинает поступать импульсный ток, нарастающий до нескольких сотен тысяч ампер. Быстрое изменение тока в катушке приводит к тому, что в пространстве между деталью и внутренней поверхностью катушки образуется сильное магнитное поле. Оно ведет себя как сжатый газ. Деталь деформируется и плотно прижимается к матрице.

Так происходит электромагнитная штамповка деталей, разработанная группой ученых Ленинградского Северо-Западного заочного политехнического института под руководством доктора технических наук О. Б. Брона.

На фото—детали, отштампованные этим способом. Тут и шестигранный торцовый ключ и опрессованные кабельные наконечники, надетые на медные и алюминиевые провода. Если посмотреть на разрез такого наконечника, не увидишь ни отдельных жил проводов, ни того места, где они соединились с наконечником. Опрессовка настолько прочна, что в разрезе виден только монолитный металл.

Метод электромагнитной штамповки уже покидает стены институтской лаборатории и начинает постепенно внедряться на предприятиях Ленинграда и других городов.

Переселение Рамзеса II

Древним храмам Абу-Симбел 3 200 лет. Сейчас этот бесценный памятник египетского народа, высеченный в скале, распиливается на отдельные блоки. Там, где стояли величественные статуи фараона Рамзеса II и его супруги Нефертари, заплещется Асуанское море. Таким образом, царственная чета переедет на новое место. С ними переедут и другие каменные изваяния, входящие в комплекс храмов Абу-Симбел.

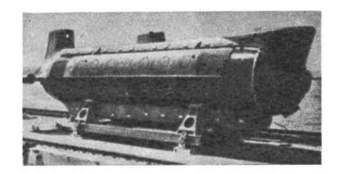
В свое время выдвигалось немало проектов спасения этой древнеегипетской сокровищницы. Однако наиболее выгодным признано предложение о расчленении храмов на отдельные части с последующей сборкой их на новом месте, недосягаемом для нильских вод. Спасательные работы уже начались. В них участвует около трех тысяч человек. Будут спасены и другие памятники древней египетской архитектуры, попавшие в зону затопления.

Землетрясение и Луна

Польские ученые пришли к заключению, что многие землетрясения на нашей планете связаны с положением Луны на ее орбите.

Известно, что Луна является причиной приливов и отливов. Когда приливная волна, обходя нашу планету, встретит на своем пути внутреннее напряжение в земной коре и его усилит, может возникнуть землетрясение, считают польские ученые.

Путешествие в глубь океана

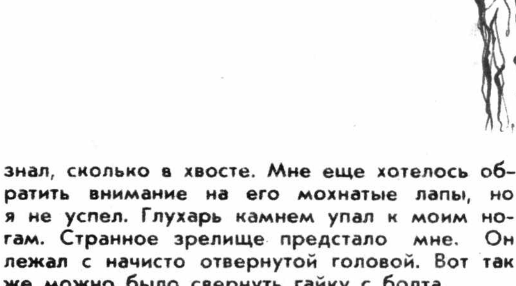
Океанографическая подлодка «Алюминаут», спущенная на воду в США, погружается на большую глубину — 4 600 метров. Весьма интересно и другое: новый корабль сверхглубин построен из алюминия, а не из стали, как обычно принято. Лодка хорошо оснащена всеми необходимыми средствами, обеспечивающими безопасность плавания под водой. Для проведения научно-исследовательских работ установлены гидроакустическая и телевизионная аппаратура, забортные механические руки с дистанционным управлением.

«Алюминаут» — своеобразный подводный вертолет. Лодка оборудована двумя винтами. Один служит для движения корабля в горизонтальном направлении, второй обеспечивает ход по вертикали. При надобности этот винт позволяет кораблю неподвижно зависать, не опускаясь на дно. Дальность плавания в погруженном состоянии — 80 миль, скорость хода—около шести километров в час.

По-охотничьи

Сергей ВОРОНИН

Рисунки В. Черникова.

Охотой я увлекался с детства. Объясняю это тем, что во мне, видимо, сохранился большой процент крови моих первобытных предков. Еще в детстве я перечитал множество охотничьих книг, переслушал сотни рассказов матерых охотников и уже с юности считал себя мастером в теории охотничьего искусства.

Всему приходит свой час. В один из весенних безоблачных дней я отправился в деревню. Я знаю все, что подобает знать истинному охотнику, и, не желая замыкаться, как устрица в раковину, рассказываю о моих приемах и удачах этой охоты, дабы молодое поколение следопытов и егерей могло кое-что намотать на свой пробивающийся ус.

...Я проснулся. Начинался слабый рассвет. Мухи еще спали, но петух уже прокричал свою первую боевую песнь. Не нежась, я соскочил с постели, натянул через голову тугую, как резина, трикотажную рубашку — я люблю этот стиль одежды, он мне напоминает рыцарские доспехи,— влез в жесткие брезентовые штаны и ловко, чисто по-охотничьи, надел болотные сапоги.

Для того, чтобы их действительно надеть чисто по-охотничьи, надо ухватиться обеими руками за ушки, затем вытянуть ногу стрелой, так, чтобы выпрямленная ступня стала подобием наконечника, лихо закинуть сапог и в тот миг, когда большой палец окажется посредине горловины голенища, мгновенно рвануть ушки на себя. Нога должна шмыгнуть в сапог быстро, как лисица, преследуемая собаками, в собственную нору.

Когда сапог надет, необходимо топнуть каблуком об пол. Ловко надетые сапоги — предтеча удачи.

Итак, надев сапоги, я снял со стены трехствольное, центрального боя—чок, получок и винтовой нарез — двенадцатикалиберное ружье, опоясался патронташем, начиненным сотней патронов, перекинул через плечо ягдташ и, полюбовавшись на себя в ярко начищенный, как матросская пуговица, самовар, вышел из дому, твердо печатая шаг.

Когда я оказался на тихой, сонной улице, когда увидал розовое небо и невдалеке синий, какой бывает только ранним утром, спокойный, но в своей гуще заселенный зверями и птицами лес, когда увидал себя в охотничьем наряде, отраженного в устоявшейся за ночь продолговатой луже,— мне стало нестерпимо жаль несчастных людей.

Они спят. Во сне проходят лучшие минуты их жизни! Я не мог терпеть подобного безразличия к природе и, вскинув ружье, выстрелил в небо.

Дымящийся пыж упал к моим ногам. Он зашипел и погас. Я решительно двинулся в лес. Миновал околицу и, не боясь промочить ноги, зашагал по росистой траве. Все во мне пело. «Чуден Днепр при тихой погоде»— эти лирические слова великого классика возникли в моей душе при виде цветов, которые для спящих людей именуются просто травой. Думая о Гоголе, я понял, почему Тургенев стал прекрасным писателем: он был охотник!

Так размышляя, я незаметно подошел к лесу. Когда входишь в лес, то надо войти в него чисто по-охотничьи. Это значит, надо выставить правую ногу вперед, а левую отставить назад. Взять ружье в руки, обратив стволы в чащу деревьев на тот случай, если неожиданно нагрянет владыка леса — друг детей, если он плюшевый, гроза и костолом, если он настоящий Михаил Топтыгин. После этого следует прозорливо оглядеть местность. Не обнаружив ничего опасного, можно левую ногу перенести вперед, оставив позади правую, и опять оглядеться. Этот ход называется охотничьей поступью. Если каждый охотник будет следовать моему совету, то от него ничто не ускользнет, ничто не пролетит мимо ягдташа.

Я шел долго. Для истинного охотника времени не существует. Но когда я оглянулся на пройденный путь, то увидал за своей спиной всего в каких-нибудь двадцати метрах то самое поле, которое переходил утром. Такое несоответствие времени и расстояния меня не смутило. Я знал, что делал!

Солнце катилось по небу. Тени исчезли. Я шел.

И наконец вот оно, счастье охотника, вот оно, трепетное замирание сердца, вот оно, вершина смысла охотничьей жизни. Оно в данном случае соловей каменного века. Глухарь!

На толстой ветви высокой сосны, на фоне синего с кое-где бегущими белыми облаками неба сидел ОН! Я не мог. Я отвернулся. Слезы ликующей радости затмили мой взор. Сердце стучало в горле. Мне надо было успокоиться.

Чтобы успокоиться чисто по-охотничьи, необходимо сделать вид, что тебя дичь совершенно не интересует, что ты равнодушен к ней, как волк к бруснике. Для этого следует крепко закрыть глаза, сделать глубокий вдох и замереть. И, конечно, не махать руками. Движения рук, как бы они ни были плавны, непременно привлекут внимание птицы, и она может воспарить.

Когда я открыл глаза, глухарь по-прежнему сидел гордо и величественно. Это был цезарь в птичьей мантии. Прежде чем повергнуть его к своим стопам, мне захотелось его осмотреть. Я пошел вокруг дерева, на котором он сидел. Цезарь меня заметил. На редкость удивительная птица. Сколько в ней царственного высокомерия! Туловище глухаря было неподвижно, неподвижна была его голова, замерли мохнатые лапы, и только глаза, одни глаза искоса смотрели на меня. Они косили! Они косили до тех пор, пока не стали косыми. Тогда в движение пришла голова. Голова вращалась на неподвижном туловище. А я все ходил и любовался. Я сделал по меньшей мере двадцать кругов. Я разглядел его полностью, знал, сколько перьев в каждом крыле, знал, сколько в хвосте. Мне еще хотелось обратить внимание на его мохнатые лапы, но я не успел. Глухарь камнем упал к моим ногам. Странное зрелище предстало мне. Он лежал с начисто отвернутой головой. Вот так же можно было свернуть гайку с болта.

Такой прием безружейной охоты на глухаря до меня не был известен. Я открыл его и теперь дарю человечеству.

Ягдташ чувствительно потяжелел. Я пошел дальше. Вскоре открылась акварельная поляна. В полдневном густом воздухе мелькали бабочки. Неведомо почему, я вспомнил женщин, возможно, по ассоциации с известным словом «бабочки», и в ту же секунду увидал бегущего зайца с капустным листом в зубах. Я не стал в него стрелять. Я крикнул. Если крикнуть чисто по-охотничьи, приложив руки рупором к губам и открыв рот так широко, чтобы края губ непременно коснулись мочек ушей, то такой крик лишает мужества даже льва.

Как я и предполагал, заяц выронил капустный лист и стремительно убежал. Я этого хотел и достиг. Подобрав капусту, я положил ее на лобастый камень и присыпал нюхательным табаком, после чего залег в кустах.

Через несколько минут заяц вернулся на поляну. Он шел не один. С ним было пятнадцать его приятелей. Зачем он их привел? Устрашить меня? Но это смешно. Или в коллективе он себя чувствовал более смело? Но, так или иначе, он подбежал к камню, открыл рот и только хотел было полакомиться капустным листом, как тут же голова его отдернулась, и он, смачно чихнув, ударился носом о твердыню природы и упал замертво. Остальные зайцы не обратили на это внимания, они подходили, чихали, ударялись о камень и падали возле своего товарища.

Я их всех собрал. Ягдташ переполнился. Я обвешался зайцами, как дуб листьями. Остались два, которых некуда было деть. Тогда я взял их за уши и понес в руке.

Когда уходишь из леса, надо уходить чисто по-охотничьи — без оглядки.

Все шло хорошо. Лес остался позади, позади осталась поляна, и я взошел на древний шатающийся мост. Он застонал под моей тяжестью, закачался и рухнул. Бурная река потащила меня. Я отчаянно и мужественно сопротивлялся, барахтался. И, естественно, выбрался на берег. Но, увы! Все зайцы, будучи мертвыми, не могли плавать и утонули. Глухарь также. Меня несказанно удивило, каким же образом он мог вылезти из ягдташа, если сетка была закрыта на замок. Не притворялся ли он мертвым?

Домой я вернулся мокрым, усталым и пустым. Но не это обидно. Больно было, что никто моему рассказу не поверил, хотя я клялся честным словом.

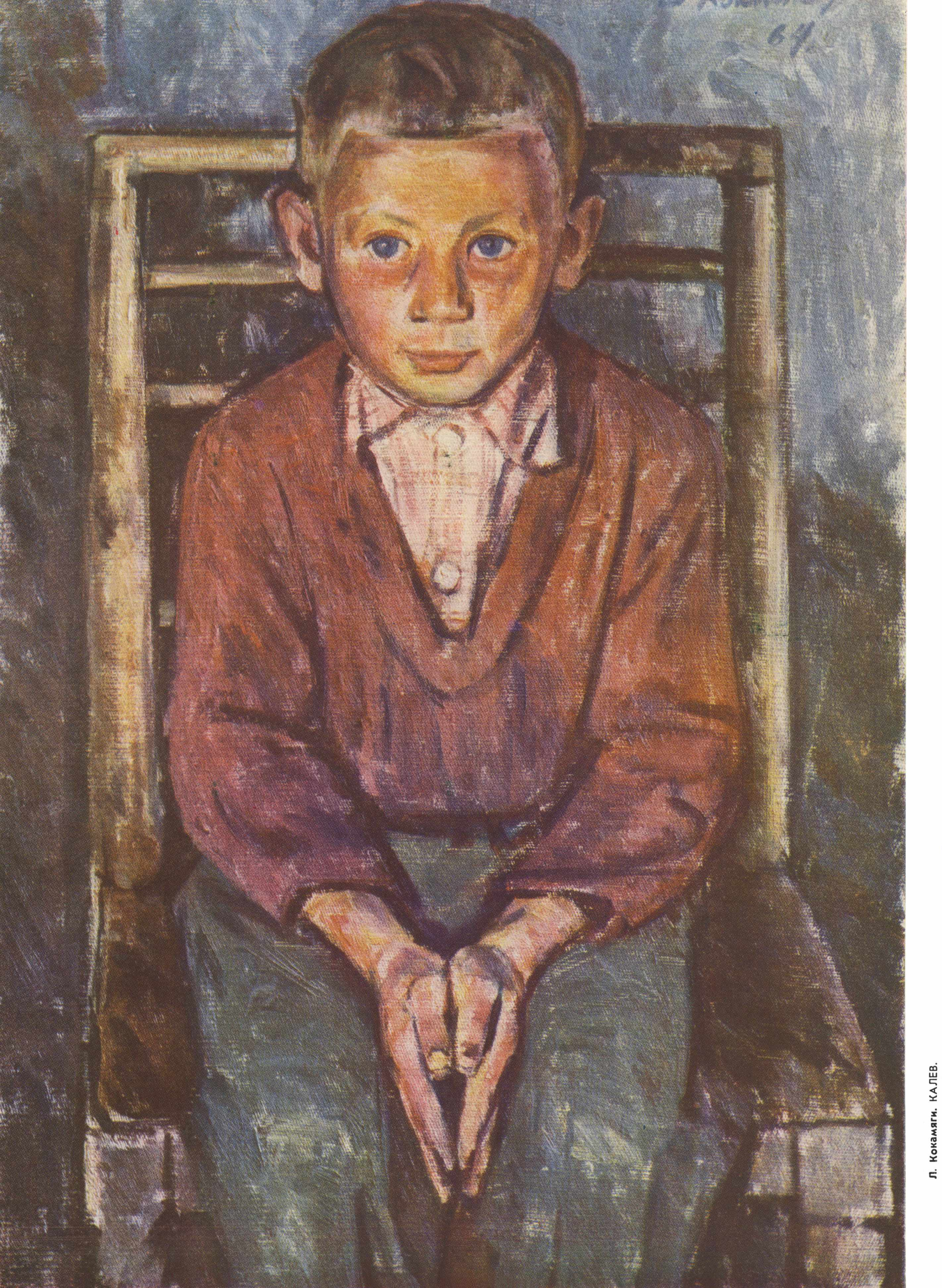
Чтобы не унижаться, не слыть понапрасну лгуном, надо чисто по-охотничьи замолчать. Это я и сделал. Что и вам в подобных случаях советую делать.

Р. Уутмаа. РЫБАЧЬЯ ГАВАНЬ.

Н. Кормашов.

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПЕЙЗАЖ.

Л. Кокамяги. КАЛЕВ.

Навстречу людям

Поблизости от моря в таллинском парке Кадриорг находится изящное старинное здание, настоящая игрушка: маленький дворец, построенный Петром I в подарок Екатерине. Здесь размещается Художественный музей.

Картинам, по правде говоря, тесновато. Особенно если учесть, что у гостеприимных эстонцев нередко бывают выставки произведений художников из братских республик. Вот и сейчас здесь гостят картины литовского художника Антанаса Гудайтиса.

Но, как говорится, в тесноте, да не в обиде! И сами картины, со вкусом размещенные в залах музея, кажется, дают — как большие окна в окружающий мир — ощущение простора и воздуха.

«На море» Х. Рооде... Непоколебимое спокойствие фигуры рыбака, ровная, тихая линия морской глади. Но вы чувствуете на своем лице соленые брызги Балтики. Вечная и всегда разная красота морского пейзажа в сочетании с таким вот человеческим портретом обретает какую-то неожиданную устойчивость, идущую от настроения художника, от его взгляда на мир. Вы долго, с удовольствием постоите здесь, возле этого рыбака: рядом с ним привольно и глубоко дышится; он полон силы и здоровья.

Таков же лейтмотив «Промышленного пейзажа» Н. Кормашова, решенного в неожиданных и контрастных цветовых сочетаниях, оставляющих общее впечатление бодрости и солнца.

Совсем в ином ключе написана «Рыбачья гавань» Р. Уутмаа. Хотя это тоже сегодняшний, трудовой пейзаж. Небо и море нахмурились, волны идут к кромке прибоя с сердитыми барашками на гребнях; лодки качает и у берега и возле причала. А небольшие дома рыбаков словно сдвинулись поближе друг к другу и готовы грудью встретить надвигающуюся непогоду; что же делать, ведь рыбная-то ловля продолжается и в ненастные дни!.. Здесь живет своя добрая романтика, свое настроение, как и в чудесных соснах «Тоолзе» Р. Саргитс, на которые хочется глядеть и глядеть, слушать их сильный живой шум, сливающийся с неумолчным шумом моря...

Художник Л. Кокамяги пишет людей Эстонии, ловит характеры, следит за особенностями человеческих повадок, привычек, нрава и рассказывает нам о них без слов, но так, что мы будто и сами встретили героев живописца.

Вот, к примеру, поглядите-ка на этого «Калева», который сидит перед вами в добродетельно-чинной позе и старается изо всех сил казаться послушным пай-мальчиком. На самом-то деле он при всей своей положительности сущий сорвиголова! Синие глаза полны любопытства, нетерпения — так бы и вскочил, так бы и помчался по своим неотложным мальчишечьим делам!..

Когда мы были у Луулика Кокамяги в его студии, он показал нам и другие зарисовки Калева. Оказывается, в его живом, деятельном характере мы действительно нисколько не ошиблись. Но Калев — это еще что! А вот его брат Каупо — так это вообще вылитый Буратино по неистощимому своему озорству! Вот уж кому вообще трудно удержаться на месте. Мальчишка не зря прихватил стул руками — а то не вытерпит, не усидит! Нет у него ну прямо никаких сил сидеть смирно. Не может он тратить столь драгоценное и нужное ему время на такое странное, а главное, такое неподвижное занятие, как позирование художнику!

Оба маленьких натурщика — Калев и Каупо, впрочем, нелегко соглашаются позировать. А если и соглашаются, то только по большой дружбе.

Дружат они и с самим Лууликом, но больше с его детьми — Ило, Эпп и Юхо, которые на летнее время приезжают в деревню, где Кокамяги пишет знакомых уже нам сорванцов, природу, людей, занятых трудом, как это мы видим на большом полотне, которое называется «На сенокос».

Художник позволил нам проследить за процессом рождения этой картины, от первого легкого карандашного наброска — всего пятьшесть легких, беглых штрихов — до живой плоти произведения.

На стене музея в Таллине картина привлекает необычайным светом, заливающим весь ее верхний план.

Впрочем, здесь и на земле много солнца; чувствуется, что земля глубоко им прогрета. И так хорошо, легко ступать босыми ногами по этой земле, идя навстречу дню, навстречу людям!

Н. ТОЛЧЕНОВА

ДЛЯ АНАЛИЗА КРОВИ

В Чехословакии сконструирован аппарат для анализа крови, с помощью которого можно за 5—10 секунд установить число красных кровяных шариков и другие данные. Новый аппарат очень удобен, когда требуется срочно поставить диагноз.

КАК ВЫГЛЯДЕЛ КОЛУМБ

«А разве до сих пор это было не известно?» — спросит читатель. Ведь в разных исторических трудах и даже учебниках истории есть изображения Колумба. Все это так, но известные до сих пор портреты созданы после смерти испанского путешественника.

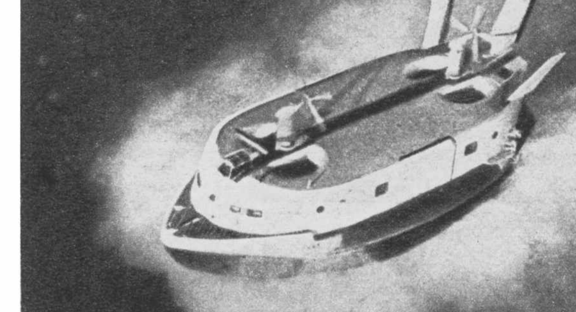
Лишь недавно доктор Рихард Гэттенс, знаток нумизматики, нашел бронзовую медаль, на которой в профиль был изображен мужчина и надпись гласила: «Кристофоро Колумбо». Доктор Гэттенс установил, что во второй половине прошлого века медаль принадлежала какому-то итальянцу. Считалось, что она была отчеканена в XVII веке. Эта дата показалась ученому неверной. Были основания полагать, что медаль более раннего происхождения: ее края не были отшлифованы так тонко, как это было принято с 1520 года. Буквы надписи напоминали готический шрифт. По некоторым признакам можно было заключить, что создатель медали был итальянцем.

Доктор Гэттенс хотел во что бы то ни стало узнать, кто же он. Это облегчалось тем обстоятельством, что Колумб изображен с приоткрытым ртом. А в Италии того времени, когда жил Колумб, существовала школа, для которой была характерна именно эта деталь. Это была школа падуанского натурализма. Ее расцвет падает на период 1480—1510, то есть на то время, когда жил Колумб. Художник, очевидно, видел Колумба. Это могло случиться только в Испании в последние годы жизни путешественника. Было известно, что один из падуанских натуралистов надолго покинул Италию, уехав за границу. Это был Гвидо Маццуони, один из лучших портретистов той эпохи.

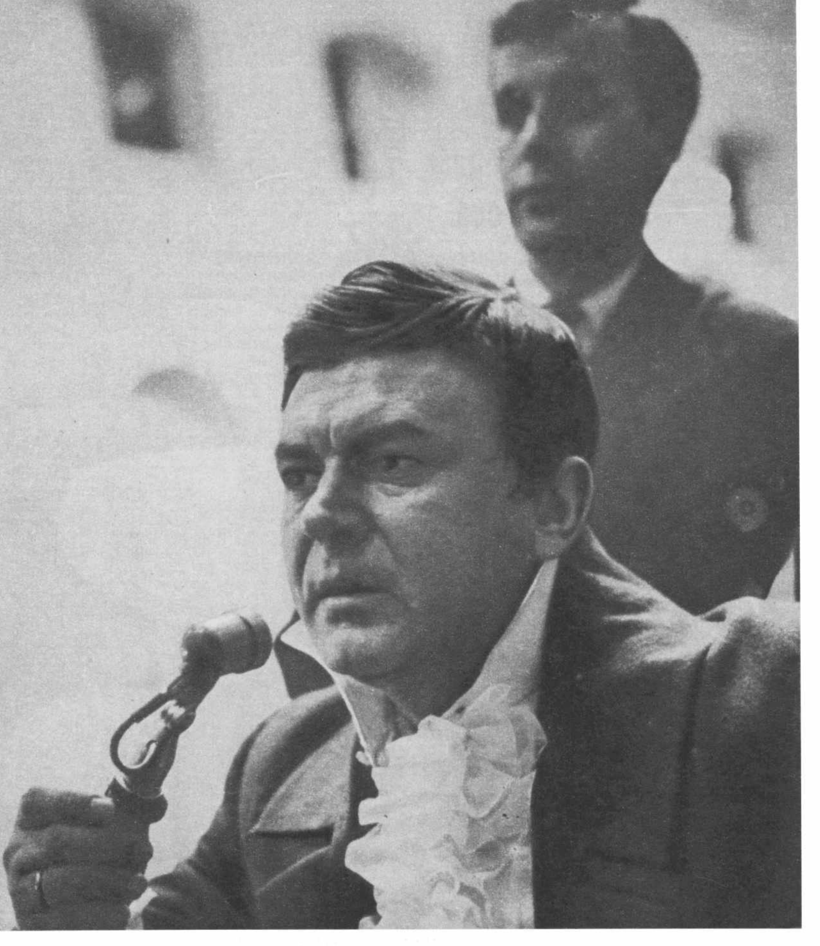
ЛЕДЯНАЯ ЛОПАТА

В Эстонии, в прибрежной зоне, часто встречаются большие скопления валунов. Эти гряды образует, как ни странно, морской лед. Зимой под напором ураганного ветра лед может на десятки метров выходить на берег, достигать построек и разрушать их. Лед тащит с собой гальку, песок, толкает перед собой большие валуны, действует как гигантская лопата, которая проскребает сначала дно мелководья, а потом принимается и за берег. Валуны весом в несколько тонн в своем движении оставляют желоба длиной до 40 метров. Растаяв, лед оставляет следы своей деятельности — валы, сложенные из камней, гальки и песка.

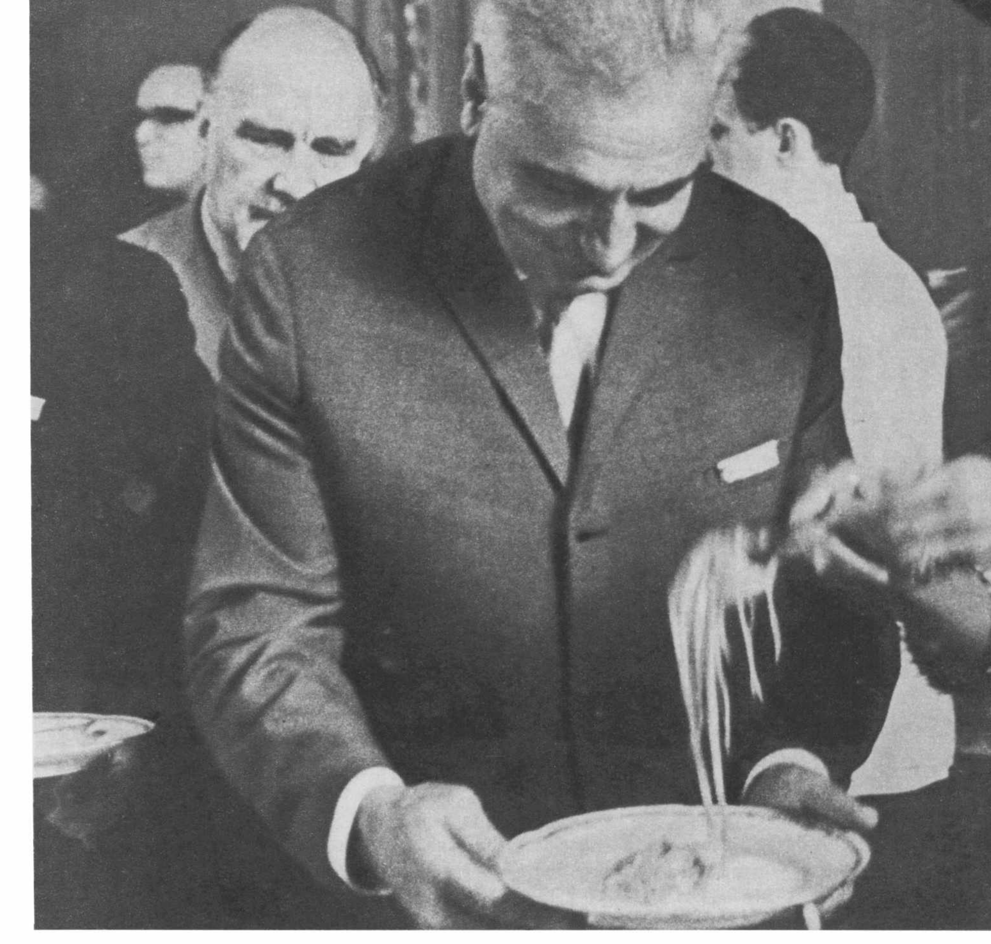
ЛЕТАЮЩИЙ МОСТ

Проект тоннеля под Ла-Маншем снова отправлен в архив, хотя казалось, все сомнения и споры уже позади. Связь между материком и островной Англией по-прежнему обеспечивается морским флотом. В помощь ему создан недавно в Англии летающий мост — мощная грузовая платформа на воздушной подушке. С острова на материк и обратно со скоростью 140 километров в час могут быть доставлены 660 пассажиров или 330 пассажиров и 25—30 автомашин.

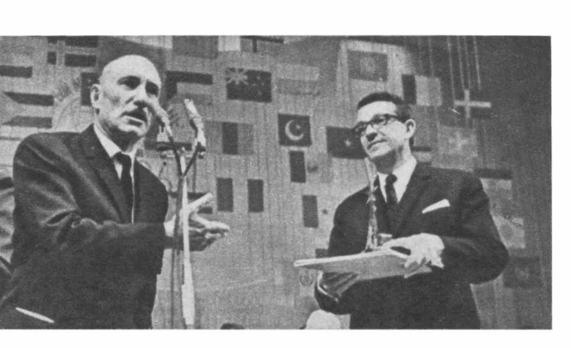

Сергей Бондарчук в костюме и гриме Пьера Безухова на съемках фильма «Война и мир». Сзади — оператор Анатолий Петрицкий.

Как видно, не только призы, полученные за лучшие роли, роднят Софию Лорен и Серго Закариадзе, но и любовь к национальной кухне.

МИР МНОГООБРА

Председатель жюри Сергей Герасимов передает Золотой приз Золтану Фабри.

Советские летчики вручают подарок Иву Чампи.

Приз за лучшую женскую роль присужден Софии Лорен.

Хорошо спортивным судьям: на них работает арифметика — сантиметры, метры — все точно, все подсчитано, все бесспорно. В кино все дискуссионно, все — дело вкуса, точки зрения, мировоззрения. Тут не принимаются в расчет ни километры отснятой пленки, ни миллиметры ее ширины — формат, метраж, техника — все это второстепенно. А что же главное? Ответ на этот вопрос каждый художник формулирует по-своему, и все же большинство сходится на одном: те проблемы, которые занимают художника, должны быть интересны сегодня широкому зрителю.

Три дня обсуждали кинотеоретики проблему кино и зрителя и в итоге пришли к тому, что без широкой аудитории нет кинематографа. А как же быть с экспериментальным кино? Не проповедуем ли мы консерватизм?! Об этом очень хорошо сказал чешский режиссер Иржи Секвенс: «Самый большой экспериментатор и новатор в кино был Сергей Эйзенштейн, а я не знаю страны, где бы на его фильмы не ломились».

Казалось бы, все ясно, и все же...

Когда за 13 рабочих дней фестиваля перед глазами проходят работы кинематографистов 69 стран, определить лучший фильм, не имея «специальных точных приборов», ох как трудно. Один сердобольный журналист предложил даже ввести в кино следующие единицы измерения: сила обаяния — 1 влади, сила привлекательности — 1 бардо, сила комедийности — 1 чаплин и сила режиссерского мастерства — 1 эйзенштейн. Но, поскольку эта измерительная система находится в стадии обсуждения и члены фестивального жюри ею воспользоваться не могли, они заседали. Здесь можно было бы написать о горячих дискуссиях, баталиях, выступлениях, о том, как скрещивались, словно клинки, мнения... Но тайна заседания жюри осталась для журналистов непроницаема, как и тяжелые двери зала, где заседало жюри художественных фильмов — 12 мужчин и 1 женщина, представители 10 стран, трех частей света.

Наконец, 2 жюри, делегаты, гости, огромный пресскорпус и самый представительный участник кинофестиваля — зритель в последний раз собрались во Дворце съездов на торжественное закрытие. Раскрыты блокноты, включены репортерские магнитофоны, наготове телефонистки, телеграфисты. Зрителю не терпится узнать победителей. Вот они:

Большой приз — фильму «Война и мир» (СССР).

Большой приз — фильму «20 часов» (Венгрия).

Золотой приз — фильму «Небо над головой» (Франция).

Золотой приз — фильму «Покушение» (Чехословакия).

Специальный золотой приз жюри — режиссеру Валерио Дзурлини за фильм «Они шли за солдатами» (Италия)...

По короткометражным фильмам золотые призы присуждены фильму «Слеза на лице» (Югославия) и фильму «Двое» (СССР)...

Многое объединяет эти картины, разные не только по географии, но и по жанру, по времени действия, по социальной принадлежности героев. Главное — это человечность, внимание к внутреннему миру героя, беспокойство художника о мире, в котором мы живем, о человечестве, которое вновь в опасности. Эту мысль очень хорошо высказал делегат фестиваля писатель Джеймс Олдридж: «Когда на вашем пути стена, можно говорить, что ее нет, но не важнее ли поискать пути преодоления этого препятствия».

К этому призывают в картинах кинофестиваля прогрессивные кинематографисты мира. Там, где мысль эта нашла наиболее яркую художественную форму, создателей ждала награда.

Много хороших слов было уже написано и сказано о каждом из этих фильмов. Многие из них будут нами куплены, дублированы, и вы увидите их в кинотеатрах своего города. Но прежде чем расстаться с фестивалем, мы попросили победителей сказать немного о времени и о себе.

Итак, слово лауреатам.

Золтан ФАБРИ
(Венгрия)

Фильм «20 часов» поставлен по мотивам повести Ференца Шанта. Это — одно из лучших произведений венгерской литературы последних лет. За историей четырех друзей, бывших батраков, мне виделась общая картина успехов нашего народа, его боли, противоречий за этот период. Я люблю темы, затрагивающие самые острые общественные вопросы в стране. Люблю и хорошо знаю венгерскую деревню, образ мыслей ее обитателей. Этот фильм — четвертая моя картина из крестьянской жизни. Первой была «Гроза», которой я дебютировал в 1952 году (до этого я был художником, актером и режиссером театра). Второй — «Карусель», поставленная 10 лет тому назад, — своеобразная история деревенских Ромео и Джульетты, затем «Хищник» и вот сейчас «Двадцать часов», в котором отражена жизнь нашего народа за последние 20 лет.

Действие нашего фильма происходит в двух плоскостях, но всегда прошлое объясняет настоящее, и наоборот.

Жизнь сложнее, чем мы считали и показывали по старым эстетическим нормам. Мне хочется, чтобы, уходя после фильма, зритель подумал о сложностях жизни, подумал о своих поступках и, может быть, что-то в них пересмотрел.

Ив ЧАМПИ
(Франция)

Я хотел сделать абсолютно достоверный фильм и вместе с тем показать события, которых не было, но могут быть.

Я хотел рассказать в нем о событиях, которых не было утром, но могут произойти в любую минуту, даже сегодня днем. Мне

Людмила Савельева за роль Наташи награждена дипломом.

ЗНЫЙ...

И. ВЕРШИНИНА

Фото Е. УМНОВА.

очень важно было выразить давно мучающую меня мысль: люди владеют сейчас такими мощными средствами разрушения, что они должны быть очень ответственными за свои поступки, помнить, что несет это оружие.

С двумя офицерами авианосца я написал сценарий. Большинство ролей играли не актеры; весь фильм мы снимали в море, на натуре, с 5 утра до захода солнца. Впервые в истории флота у авианосца было 2 командира — капитан и я.

Следующая моя работа будет комедия. После двух серьезных фильмов — о докторе Зорге и «Небо над головой» — мне нужна разрядка. Я не собираюсь делать никаких уступок своим принципам и идеалам. Ведь за них я сражался против фашистов, участвовал в Сопротивлении, был в подполье, сидел в тюрьме, в концлагере и, наконец, уже в войсках французской армии освобождал Париж.

Я никогда у себя во Франции об этом не говорю, но моя заветная мечта — сделать об этом фильм. О дружбе трех друзей, которые во время войны расходятся. Один идет моим путем, другой переходит к фашистам, третьему на все наплевать. Это отразит облик моего поколения, которому во время войны было 20 лет. Я бы хотел делать этот фильм совместно с советскими кинематографистами.

Иржи СЕКВЕНС
(Чехословакия)

Золотой приз, которым удостоен наш фильм «Покушение», мы принимаем как награду героям. Они погибли 23 года назад, приведя в исполнение смертный приговор палачу чехословацкого народа Рейнгарду Гейдриху.

Когда фильм вышел на экраны Чехословакии, его за 2 месяца просмотрели два миллиона человек, а ведь в стране всего 15 миллионов населения. Мы показали его в разных городах на народном фестивале 1965 года, и он был удостоен приза зрителей. Для меня это очень важно. Я не признаю фильмы для избранных, я работаю для зрителя. Ведь кино не интимное искусство, а массовое; оно основано на высокой индустрии, над каждой лентой работает большой коллектив, нельзя, чтобы столько усилий и денег выбрасывалось ради эксперимента. Чаплина смотрят миллионы, и в этом его сила; Толстого читают все, повсюду, и в этом его гений. Кстати, мне кажется, именно в этом особая трудность создания фильма по произведениям Толстого. У каждого зрителя в душе живет свое видение романа, в каждом режиссере, актере мечта — воплотить его образы. Переубедить безумно трудно. Бондарчуку это удалось, мне нравится его фильм и его исполнение роли Пьера. Вообще я за Бондарчуком слежу с большим интересом. Я его знаю многие годы, ведь мы вместе работали над фильмом «Молодая гвардия», я тогда был в аспирантуре ВГИКа, занимался у Сергея Аполлинариевича Герасимова, был ассистентом в картине и работал с актерами. Это была для меня очень хорошая школа, как и участие в Московском фестивале. Его девиз «За гуманизм киноискусства...» мы воспринимаем для себя как программу всей работы в кино. Вот почему я очень счастлив, что сегодня вторично получаю золотую медаль. Первый раз я получил ее за фильм «Бегство из тени» в 1959 году на I Московском международном фестивале.

Валерио ДЗУРЛИНИ
(Италия)

Наш фильм «Они шли за солдатами» поставлен по роману Уго Пирро, очень известному в Италии. Книга вышла 10 лет назад, и тогда же возникла мысль о ее экранизации.

Очень важно было сохранить гуманистический дух романа. Сценарии не удавались. Сложно было также собрать такую сильную труппу исполнительниц: ведь в фильме 13 очень сложных женских ролей.

Главное для нас в романе и в фильме — это беспощадная критика того, что творила во время войны итальянская армия в Греции. Конечно, мы проводим различие между армией и чернорубашечниками, но не перекладываем ответственности только на последних. Мне кажется, такого самокритичного фильма не было.

Несколько слов о тех принципах, которыми я руководствовался во время съемок.

Я считаю, что киноискусство должно воспитывать в людях уважение к человеку, гуманизм.

Действие картины происходит в те времена, когда было особенно легко делать зло и воспитывать молодежь в духе насилия. Именно поэтому хотелось этим фильмом призвать людей к взаимному уважению. Защита человеческого достоинства, благородных чувств, сохранение мира между людьми кажется мне сейчас одной из главных задач, стоящих перед кинематографом. И решать эти задачи мы должны все вместе.

Не часто режиссерам представляется возможность показать свою работу сразу 6 тысячам зрителей (на Западе очень мало таких больших кинотеатров). Демонстрация моего фильма во Дворце съездов мне принесла огромную радость. У вас самый лучший зритель, какого я видел в жизни. Я желаю себе и другим моим итальянским коллегам всегда иметь такую тонкую, чуткую, благодарную аудиторию.

И еще одно пожелание себе и всем моим коллегам: чтобы на следующем фестивале показывались фильмы не отдельных стран, а те, которые мы создадим все вместе. Я думаю, мы близки к этому.

ПЛАМЕННАЯ ПОЭМА

Жорж САДУЛЬ

Произведение бессмертно, если оно приобретает новый смысл в новых исторических условиях. «Войной и миром» французы зачитывались в конце XIX века, читали в период немецкой оккупации, сегодня роман помогает молодежи открывать по-новому мир и жизнь.

Об экранизации «Войны и мира» и проблемах, связанных с нею, Сергей Бондарчук писал: «Нашим принципом было: ничего не придумывать, ничего не добавлять. Толстой должен остаться Толстым. Его язык мы постарались передать языком кино, и в этом мы видели свою основную проблему. Решение ее облегчалось тем, что в описании многих сцен романа Толстой выступает как профессиональный сценарист. Такова, к примеру, сцена дуэли Пьера Безухова и Долохова». В фильме эти кадры являются наиболее удачными. Толстяк Пьер Безухов, роль которого исполняет сам Бондарчук, закутанный в длинную шубу, топчется в снегу. Он даже не умеет хорошо держать в руке пистолет и, будучи близоруким, почти не различает своего грозного противника. И все же он выходит победителем. Болезненный крик вырывается из его груди, как только он подумал, что убил человека.

Есть в фильме и другие драматические и хорошо запечатляющиеся кадры, особенно осенняя охота в поле: заливающиеся лаем своры собак, мчащиеся на лошадях охотники, звуки охотничьих рогов, преследуемые и настигаемые волки...

Много кадров посвящено в фильме сценам сражений. В битве под Аустерлицем и в боях, предшествовавших ей, Бондарчук проявил себя как подлинный командир. Сцены эти представляют собой грандиозное зрелище и засняты с большим мастерством. Но, однако, и они далеки от того, чтобы их можно было сравнивать с «Бородинским сражением», которое мы называем «Московской битвой» и которое будет центральным эпизодом последующих двух серий фильма. Бондарчук, как участник минувшей войны, на долю которого выпало немало страданий, рисует сражения широким планом, но наряду с этим он показывает и весь ужас, всю вопиющую несправедливость войны.

Могучий дуб с расщепленным стволом, кажущийся зимой погибшим, но зеленеющий весной и летом, по сути, является персонажем более живучим, чем князь Андрей, любующийся этим деревом. Точно так же мелькающие лесные пейзажи обретают на экране бóльшую значимость, чем тройки, несущиеся на их фоне. Мне могут возразить: вы из-за деревьев не видите леса. Нет, я просто хочу сказать, что картины леса как бы отодвигают на задний план физическое присутствие героев и служат способом передачи их душевных чувств и настроений.

Чтобы по достоинству судить о кинофильме и в особенности о занятых в нем актерах, надо познакомиться с ним в законченном варианте. Как только «Война и мир» появится на французских экранах, этому фильму будет обеспечен огромный успех, если публика воспримет его не столько как роман, а как пламенную поэму, посвященную России и ее зеркалу — Толстому, поэму, воспевающую жизнь и природу.

Перед парадом.

Торжественный марш.

Первый документ. Его вручает секретарь исполкома Фрунзенского Совета депутатов трудящихся А. И. Ермолаева.

ЗДРАВСТВУЙ, МАЛЫШ!

Фото Галины Санько.

В один из теплых дней во Дворце пионеров Фрунзенского района Москвы царило праздничное оживление. Гостей встречали работники районного ЗАГСа. Сегодня здесь большой праздник: торжественно отмечают появление на свет новых граждан.

Раньше всех сюда приехал магазин «Малыш». На импровизированном прилавке появились белые, голубые, розовые чепчики, распашонки, яркие забавные игрушки — все, что необходимо человеку, прожившему на свете месяц. Торговля шла бойко.

Сами виновники торжества удобно расположились на длинных столах в соседней комнате. Здесь хозяйничает врач из 7-й детской поликлиники Ксения Михайловна Полякова. Она разговаривает с бабушками, дает советы молодым мамам, осматривает ребят.

Начинается торжественная часть. Как на параде, пара за парой проходят родители. Счастливые, гордые, немного смущенные лица, букеты цветов, и у каждого папы на руках бесценный конверт.

Просторная комната, много цветов, сквозь стеклянные стены бьет яркое солнце.

Растроганные, притихшие сидят молодые родители. И даже их чада прониклись серьезностью и торжественностью происходящего, сосредоточенно чмокают пустышками.

Первой к столу подходит Ирина Абрамовна Свиридова. Аплодисменты, приветствия, поздравления. Сегодня Ирина Абрамовна получила свидетельство о рождении сына Алешки, седьмого ребенка в семье.

Вдруг в комнате как-то сразу стало шумно и весело. Вбежала целая стайка ребят с букетами душистых ярких цветов и яркими воздушными шарами. Это маленькие хозяева Дворца—октябрята. Ребята поздравляют молодых родителей, да не как-нибудь, а в стихах. Ко всеобщему веселью, они рассказали о трудностях проблемы воспитания, очень самокритично приводя примеры из личной жизни:

...Мы часто бываем грубы и
упрямы,
Я вот такое могу натворить,
Что сам удивляюсь терпению
мамы...

А праздник идет своим чередом.
— Свидетельство о рождении выдается Володе Духину!

Ну, малыш, получай первый в твоей жизни документ! Сегодня наша страна занесла твое имя в многомиллионный список своих граждан.

Н. АРСЕНТЬЕВА

Без слов.
Рисунок Ю. Черепанова.

Во всем мире раздается сегодня голос протеста: «Руки прочь от Вьетнама! Прекратить кровавую агрессию в Индокитае!» Всемирный конгресс за мир, национальную независимость и всеобщее разоружение принял в Хельсинки резолюцию о Вьетнаме, в которой сурово осуждает преступления американских агрессоров и требует вывода американских войск из Вьетнама. Как день солидарности с героическим народом Вьетнама отмечалось 20 июля — одиннадцатая годовщина подписания Женевских соглашений. Новая волна протестов прокатилась по многим странам мира.

На снимках: 1. Митинг протеста в Дании. 2. Демонстрация в Лондоне.

Патриоты Южного Вьетнама освобождают все новые и новые районы. Все больше трофейного оружия попадает в руки бойцов Национального фронта освобождения.

В ночном мраке Флориды крест Ку-клукс-клана грозит новыми погромами и убийствами. Это—очередное сборище черносотенцев Форта Лодердейл, в котором приняли участие 2 500 человек.

О чем думает этот южновьетнамский наемный солдат? Ему не спится после тяжелого кровопролитного боя в джунглях. Может быть, он думает о тех 250 тысячах сайгонских наемников, которые уже сложили свои головы в братоубийственной войне?

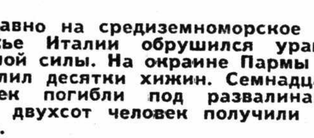

Студенты Западного Берлина устроили многотысячную демонстрацию за улучшение системы народного образования. Лозунги на транспарантах требуют увеличить бюджетные ассигнования для учебных заведений и предоставить больше возможностей для получения образования детям рабочих.

В Корейской Народно-Демократической Республике развернулась уборка зерновых. Одновременно идет пахота под следующий урожай. На снимке: полевые работы в провинции Южный Хванхэ.

Недавно на средиземноморское побережье Италии обрушился ураган большой силы. На окраине Пармы он развалил десятки хижин. Семнадцать человек погибли под развалинами, около двухсот человек получили ранения.

Население Западной Германии решительно выступило против введения «чрезвычайных законов», которые развязывают руки милитаристам. На снимке: демонстрации протеста в Бонне.

Все больше средств выделяет правительство ОАР на благоустройство городов и культурное обслуживание населения. На снимке: здание Радиотелевизионного центра на набережной Нила.

Майк Генри, футболист из Лос-Анжелоса, приглашен Голливудом играть очередного Тарзана. Перед началом съемки Майк решил показаться в костюме Тарзана своим родителям и брату.

Это случилось в горах неподалеку от испанского города Хихоны. 42 маленьких школьницы ехали в этом автобусе. Машина чудом удержалась на краю обрыва, но две девочки выпали через распахнувшуюся дверь и разбились насмерть.

Фото ТАСС, ЮПИ, АДН, ВИА, ЧТК, ЦТАК.

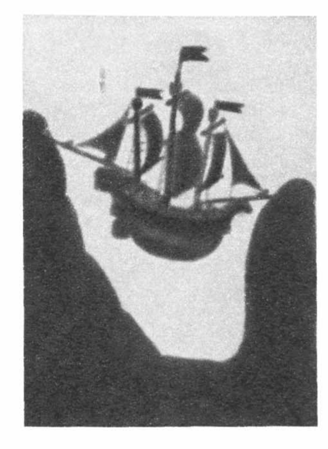
Забавные мелочи

«САНТА МАРИЯ»

Югослав Яким Бульчик из города Врбаса увлекается изготовлением моделей морских судов. Самый маленький его парусник — точная копия судна Колумба «Санта Мария».

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЙ БОБЕР

Начальнику смены котельного цеха Брянской ГРЭС М. С. Солдатову вдруг почудился крик человека. Спустившись в зольное помещение, Солдатов встретил рабочего К. Кузина. Тот был возбужден и немного напуган. На вопрос: «В чем дело?» — рабочий ответил:

— Зверь!..

Одного любознательного бобра заинтриговал громадный корпус электростанции с большими ярко освещенными окнами. Бобер переплыл озеро, вышел на берег и через ворота проник в котельный цех. Затем подошел к цеховой кладовой, оглядел дверь и мимо шахтных мельниц зашагал к выходу. Тут-то гостя и заметил дежурный. Кузин пытался поймать бобра, но тот зло огрызнулся...

Все же ночного гостя поймали. Погладили по блестящей шерстке, полюбовались красавцем и отнесли к озеру. Бобер бросился в воду и поплыл к противоположному берегу.

П. Третьяков

ПАРИКИ НА БРОВЯХ

Видимо, обычное подкрашивание бровей и ресниц уже не удовлетворяет модниц Запада. В Париже входят в моду вот такие брови и ресницы!

ТЕЛЕВИЗОР В ЗООПАРКЕ

Жозеф Дэвис, директор нью-йоркского зоопарка, чтобы развлечь своих четырех горилл, поставил около их клетки телевизор. С этого времени обезьяны стали более миролюбивыми, перестали ссориться и драться. Они с удовольствием смотрят все передачи, но больше всего им нравятся ковбойские фильмы и твист.

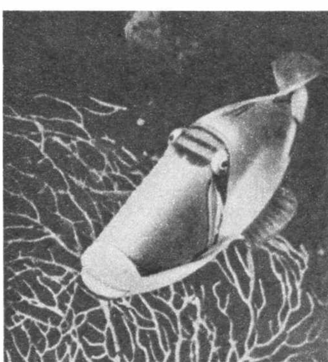
ЛЕТАЮЩАЯ ЗУБНАЯ ЩЕТКА

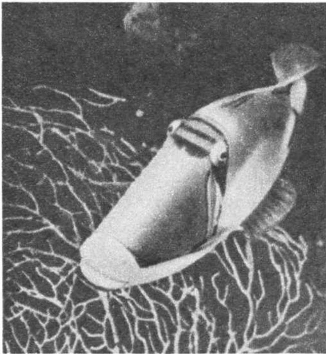
Чайка чистит зубы бегемоту после завтрака. У бегемота в этот момент одна забота — не закрыть раньше времени пасть. Эта сценка снята в зоопарке Сан-Франциско.

ЖИВАЯ ПОДВОДНАЯ ЛОДКА

Перед вами редкая морская рыба, обитающая в тропических морях. По своей форме она напоминает подводную лодку.

ПОСВЯЩЕНИЕ

У печатников Швейцарии существует традиция посвящения в мастера. Кандидата на это звание подвергают мокрому обряду. Только после такой процедуры он считается утвержденным ассоциацией печатников.

КРУТЯ ПЕДАЛИ

Андрею Богдановичу, живущему в Югославии, сейчас 52 года. Он знаменит тем, что путешествует по различным странам на велосипеде. Богданович побывал в Австрии, Франции, Швейцарии, Италии, Греции и Болгарии. Ежедневно этот бодрый пожилой спортсмен проезжает по 70 километров, а в воскресенье — по 200. Богданович собирается посетить Венгрию, Советский Союз и Румынию.

ВОР ОТКРЫЛ ПОДДЕЛКУ

Эта картина была украдена из одного музея в Риме. Несколько дней спустя вор вернул полотно с запиской, в которой известил, что картина не подлинник работы Яна Скореля, а подделка.

ВРЕМЕННОЕ УВОЛЬНЕНИЕ

Около трех лет назад рабочим сухумского мясокомбината охотники подарили двухмесячного грифа. Он еще не умел летать, за ним бережно ухаживали. Когда Борька подрос, он стал совершать облеты территории, кружил над цехами, внимательно следил за тем, чтобы на комбинате не было посторонних лиц.

Пернатый сторож как-то превысил свою власть: самовольно стал есть мясо, предназначенное для изготовления колбас. Его за это пожурили. Борька обиделся и важно отошел в сторону. Было решено переселить орла с мясокомбината.

Борька стал жить в доме В. Кобалия. Когда его фотографировали, он охотно позировал перед объективом. Сейчас Борьке простили старые грехи и снова взяли на мясокомбинат.

А. Данельян

Фото М. Тарасова.

БЫВАЮТ И ТАКИЕ СУВЕНИРЫ

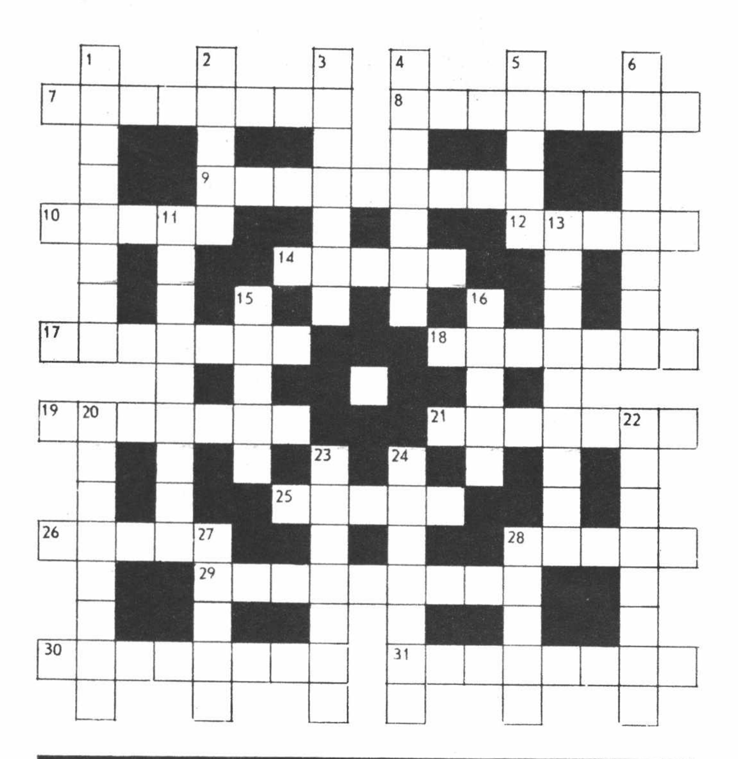
Каждое утро грузовик местного са-моуправления привозит к Акропол[illegible] камни, которые разбрасываются п[illegible] его территории. Их берут на памят[illegible] туристы. Если бы не инициатива са-моуправления, туристы давно бы ра[illegible]тащили по камешку этот памятни[illegible] старины.

Сообразим на троих.

Рисунок И. Сычева.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Цветок. 8. Каркас железобетонного сооружения. 9. Город в Тамбовской области. 10. Пушной зверек. 12. Часть баланса. 14. Ансамбль из восьми исполнителей. 17. Огородное растение. 18. Горный массив на Урале. 19. Условное символическое изображение. 21. Стихотворение А. С. Пушкина. 25. Осветительная аппаратура сцены. 26. Гуцульский танец. 28. Чертеж земной поверхности. 29. Единица измерения давления. 30. Поэт, автор эпопеи «Шахнаме». 31. Пластинка для игры на струнном инструменте.

По вертикали:

1. Сигнальный фонарь. 2. Река в Хабаровском крае. 3. Болгарский музыкальный инструмент. 4. Советский скульптор. 5. Ложбина, овраг. 6. Стеклянный сосуд. 11. Азбука старославянского языка. 13. Певчая птица. 15. Опера В. Беллини. 16. Модель. 20. Столица Либерии. 22. Русский летчик. 23. Продукт перегонки нефти. 24. Высота боковой грани в правильной пирамиде. 27. Роман А. Доде. 28. Мягкий металл серебристо-белого цвета.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 29

По горизонтали:

5. «Москвич». 6. Каботаж. 9. Эдинбург. 10. Интервал. 11. Фиораванти. 14. Крылов. 15. Свиток. 17. Свияга. 18. Параллелепипед. 21. Бревно. 22. Тайфун. 25. Литера. 28. Монография. 29. «Накануне». 30. Диапазон. 31. Ривьера. 32. Лисичка.

По вертикали:

1. Поддубный. 2. Мичурин. 3. Кантата. 4. Хачатурян. 7. Огарев. 8. Чикаго. 12. Комарно. 13. Евгений. 15. Салат. 16. Купон. 19. Дендрарий. 20. Белобочка. 23. Апогей. 24. Уганда. 26. Попурри. 27. Ливадия.

•

На первой странице обложки: Кюлли Сульг, девушка из Пярну. Зимой она учится, мечтает поступить в университет. А летом, когда в ее город приезжает много гостей, работает в большом прибрежном кафе.

Фото И. Тункеля.

ДЕЛА-ДЕЛИШКИ МЕДВЕЖОНКА МИШКИ

О. КНОРРИНГ

В поселок Туру (Эвенкия) Мишку привез летчик Михаил Михайлович Борисов. Полет Мишке понравился. Ведь не каждый медведь может похвастаться, что он летал по воздуху.

В поселке состоялось новое знакомство — с мальчиком.

Будем знакомы.

Пахнет чем-то вкусным.

Может, поборемся?

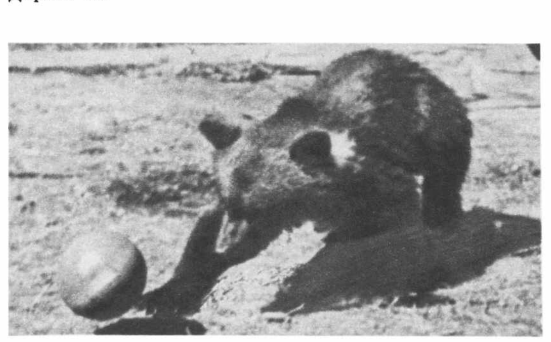

Нет, лучше побегаем наперегонки.

Кто это? Кошка?

Держи ее!

Раз кошка убежала, можно поиграть в футбол

После таких трудов очень неплохо выкупаться в луже.

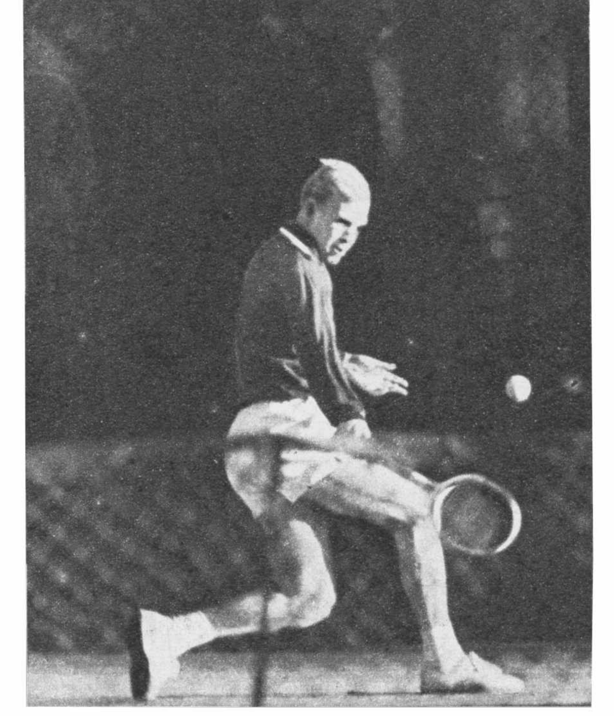
Ну вот, все ушли. Чем же теперь заняться?

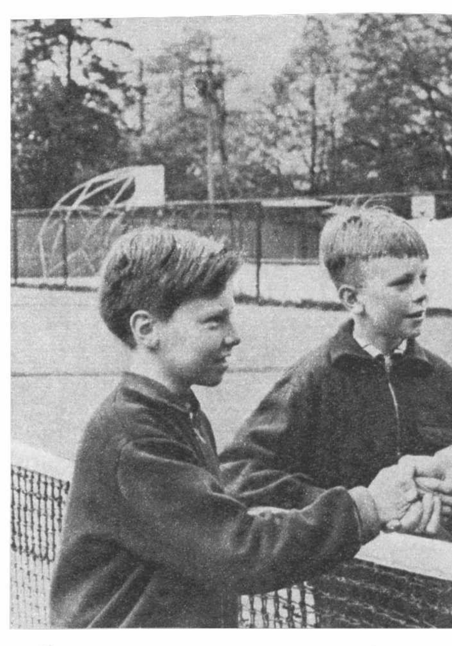

Она сегодня дежурная...

Чемпион СССР Тоомас Лейус.

— Здравствуйте, Юрий Карлович!

От пяти и дальше

Традиционны встречи соседей, теннисистов Эстонии и Финляндии.

М. АЛЕКСАНДРОВ

Окна этого служебного кабинета открыты настежь, день безветренный и солнечный.

— Пассажиры не товар, об этом надо всегда помнить...

— Понятно, Юрий Карлович.

Хозяин кабинета—руководитель отдела транспорта и связи Госплана Эстонии, он же председатель Федерации тенниса республики.

Пока велась его деловая беседа с посетителями, я смотрел на Юрия Карловича Ребане и вспоминал, как час назад на желтом солнечном корте совсем рядом с кромкой прибоя белокурая, с веснушками девочка посылала упругий теннисный мяч уверенными ударами слева и справа, а паренек, такой же веснушчатый и белокурый, посылал мяч обратно, мягко и точно.

— Сколько тебе лет, девочка?

— Семь.

Кажется, это было в пригородном районе? Да, именно там. Директор детской спортивной школы Лео Киви, он же тренер юных теннисистов, показывает свое большое солнечное хозяйство и, конечно, в первую очередь шесть теннисных кортов.

— Всего у нас летом восемьсот учеников,— рассказывает он,— из них около полутораста теннисистов. Разумеется, это еще совсем дети... Но посмотрите, как играют вон на той площадке, справа!

Хорошо играют на площадке справа. Может быть, не все получается, но уже видны черты современного тенниса: быстрота, внезапные удары с лета, смелые выходы к сетке... Не эти ли приметы школы мастерства, доведенные до высшей степени, демонстрирует, соревнуясь на английском корте в знаменитом Уимблдонском турнире, Тоомас Лейус, эстонец, первая ракетка нашей страны?

Мы много видели теннисных площадок в Таллине, на которых без устали, с утра до вечера, трудились белые мячи. Так было в парке Кадриорг, где громадные деревья бросали щедрую тень; и у подножия высокой и древней каменной стены, заросшей плющом; и на просторной территории спортивного городка общества «Калев», отвоеванной совсем недавно у пустыря и болота...

Практически, воочию убедились мы, что теннис — игра, презирающая границы возраста. Мы ведь видели семилетнюю Хеле за игрой, а потом — доктора Эмиля Лаура, весьма почтенного человека, перешагнувшего давно за седьмое десятилетие. Нам рассказывали, что одна лишь семья доктора технических наук Николая Алумяэ с его братьями, детьми, своими и братьев, составила бы гордость любого спортивного коллектива как по численности, так и по мастерству своему!

— Сколько сто́ит вот так поиграть часок на корте?

— Пятьдесят копеек площадка. На четырех человек недорого, не правда ли? Разумеется, в эту цену входят еще и душ и раздевалка...

Нам показывали теннисные ракетки.

— О, очень важно, для того чтобы любили теннис, иметь хорошие ракетки!

Мы держали их в руках — элегантны, удобны, прочны.

— Их делают у нас, в Тарту,— говорили нам,— больше тридцати тысяч ракеток в год. А знаете, сколько делали в буржуазной Эстонии? Всего двести!..

Сравнения... Возможны ли они вообще?

Освободился наконец Юрий Карлович Ребане от своих служебных дел. Теперь он может поговорить с нами.

— С чего же начать? Может быть, с того, что эстонские теннисисты — чемпионы Советского Союза в командном зачете в летнее и зимнее время? Что в составе сборной команды страны наши Тоомас Лейус, Яаак Пармас, Петер Ламп, Тийу Киви, Тийу Сооме? Вы это, впрочем, знаете. Да и нескромно развивать эту хоть и весьма приятную для нас тему... Лучше начать с того, что теннис у нас демократичен!

Юрий Карлович берет со стола логарифмическую линейку, профессиональное орудие госплановца. Короткая манипуляция — и готов вывод.

— Получается так,— говорит он,— что на каждую тысячу жителей у нас пять теннисистов. Много это или мало? В общем, порядочно, надо признать... Входят, конечно, в это число теннисные

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление И. МИХАЙЛИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02359. Подписано к печати 21/VII 1965 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 1147. Заказ № 1869.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Фото Виктора САЛЬМРЕ.

Матти — пять лет. Он — в детской спортивной школе.

секции спортивных коллективов заводов и сельских местностей. Но мы вовсе не всем довольны, нет. Да, в каждом районе республики есть теннисные площадки. Однако везде ли они оживленны так, как, допустим, в Таллине? Мы озабочены сейчас тем, чтобы всюду работали теннисные курсы. Мы — это федерация тенниса республики. Две цели преследуются курсами: знакомство с игрой и ее понимание. Каждый, естественно, может войти в теннисный кружок: двенадцать часов занятий, восемь дней по полтора часа. Там, где нет своих тренеров, занимаются наши таллинские, выезжают опытные педагоги и мастера из Тарту. У нас идет по всей республике соревнование: кто больше подготовит за год теннисистов, спортивных судей по этому спорту, инструкторов, соревнований... Вы видели этот значок?

Синий значок с фигуркой теннисиста лежит на ладони. Оказывается, такие значки бывают трех цветов: зеленые, синие, красные. Это почетные знаки участия теннисиста в состязаниях: зеленый — десять встреч на корте, синий — двадцать пять, красный — пятьдесят.

— Новшество,— смеется Юрий Карлович,— не всем же быть мастерами спорта! А наш гимн теннисистов вам не приходилось слышать? Взгляните, вот ноты...

Боюсь, что в тот день мы злоупотребили вниманием занятого человека. Впрочем, есть оправдание: Юрий Карлович Ребане, кажется, не меньше увлечен теннисом, чем семилетняя Хеле или Тоомас Лейус, которого, к сожалению, мы не застали в Таллине, потому что он состязался в эти дни в Уимблдоне.

— Вы тоже, конечно, играли в теннис, Юрий Карлович? — спросили мы на прощание.

— Играл в юности, еще до войны,— сказал он.— Но тогда это было для меня слишком дорогим удовольствием. Я всегда об этом вспоминаю, когда вожусь теперь со всеми этими хлопотными теннисными делами в нашей республике.

Таллин строится... Из домостроительного комбината тяжелые грузовики везут и везут готовые стены домов в новый район Мустамяэ. Глухие железобетонные торцы украшены цветными монументальными композициями и орнаментами — пусть красивыми будут новые дома! Об этом позаботилась эстонская художница Валли Лембер-Богаткина.

Фото И. Тункеля.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663